

Ирина Невская

Вечность
длиною в день

Ирина Невская

Вечность длиною в день

«Грифон»

2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

Невская И. Н.

Вечность длиною в день / И. Н. Невская — «Грифон», 2012

ISBN 978-5-98862-105-8

Только несколько недель отвела судьба молодому лейтенанту Сергею Стрельцову и медсестре, красавице Марине. А потом Марины не стало... Прошли годы, но любовь, вспыхнувшая в сердце Сергея, с годами не угасла, а продолжала гореть, испепеляя сердце и душу. Если бы не Женька... Он снова любил, как много лет назад, любил страстно, самозабвенно, до ненасытности... Немало испытаний выпало на долю Сергея и Женьки, но эти испытания не убили их любовь, а наоборот – сделали её крепче, сильнее. Не сразу осознали они, что их любовь – это дар свыше. Любовь, подаренная им судьбой, небесами. Любовь, которая будет длиться вечность... Просто вечность... Книга издается в авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98862-105-8

© Невская И. Н., 2012

© Грифон, 2012

Содержание

Марина	6
Сергей	14
Женька	23
Сергей и Женька	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Невская

Вечность длиною в день...

Имена героев и события этой книги вымышлены, все совпадения имён и событий с реальными случайны.

© Невская И. Н., 2012

Марина

Лето 1988 года, война...

Ночь приближалась очень быстро, и Сергей чувствовал её приближение. Здесь, в горах, всё совсем не так, как в Москве. Звёзды кажутся намного ближе, и их много, рассыпаны как горох по небу.

Сергей сладко потянулся и закрыл глаза. Марина... Он глубоко вздохнул, вспоминая пьянящий запах, который исходил от её тела и волос, – чуть пряный, с горчинкой, похожий на аромат какого-то горного цветка.

Что же сегодня было такого, отчего душа – в рай? Марина... Они всю ночь были вместе в маленьком закутке у сестры-хозяйки и целовались. Целовались взахлёб, с каким-то чувством обреченности. Его завтра выписывают, и он уезжает в часть. Они целовались и мечтали, вернее, мечтал он, а она слушала.

Сергей говорил, что после вывода войск они будут вместе и обязательно поженятся. Он был уверен, что родители поймут его. Ну и что же, что она старше. Разница ведь небольшая, всего каких-то девять лет: ему двадцать три, а ей тридцать два. Ну и что же, что у неё двенадцатилетняя дочь осталась в Союзе. Он сумеет с ней подружиться, станет её отцом и другом. Всё это ерунда. Главное, что они будут вместе...

Вот уже несколько недель, как они любили друг друга. Они чувствовали, что так должно было случиться, всё шло к этому. И хотя у него была Вероника... Нет, она, конечно, есть, но для него она *была*, потому что теперь *есть* Марина. Вероника ничего не решала, он вычеркнул её из своей жизни.

Марина... Разве мог он предположить ещё две недели назад, что с ним произойдет такое...

Этот бой начался внезапно. Они шли по тихому аулу. Шли осторожно, с автоматами наперевес. И вдруг появились они, враги, открыли огонь, скрываясь за крайней мазанкой. И пуля, которая просто отрикошетила, уложила Сергея в госпиталь на пару недель.

Он лежал на кровати и думал о том, как же ему не повезло. Пацаны сейчас там, а он здесь, и почти здоров. Отлёживается.

– Да брось ты, Серёга, – успокаивал его Лёшка Скворцов, красивый и статный темно-волосый лейтенант с большими карими глазами, в которых плескалась лукавая искринка. С Лёшкой они стали братишками еще в училище. – Ты не понимаешь, какая везуха тебе прёт. За счастье в госпитале отдохнуть, почти как на гражданке, в санатории. Жаль, только танцев нет, но зато сестрички здесь... – Лёшка присвистнул от восхищения и зашептал Сергею прямо в ухо: – Особенно вон та, рыженькая.

Она вошла в палату стремительно, похожая на ангела в своем белом халате, и Сергея будто током пронзило. То же самое почувствовала и Марина, когда подошла к нему. Она не выглядела на свои тридцать два. Никто и не догадывался о её возрасте, думая, что она сопливая девчонка. Худенькая, стройная, с «офигительной» фигурой, как сказал всё тот же Лёшка, с симпатичными рыжими кудряшками, которые непослушно выбивались из-под шапочки, и этими необыкновенными глазами. Ни у кого еще Сергей не видел таких глаз: её глаза, пронзительно-зелёные, как у кошки, и безумно красивые, прожигали насквозь. Она посмотрела на Сергея – и у него захватило дух.

Когда он впервые увидел Веронику, с ним ничего подобного не произошло: так, какое-то мальчишеское волнение, и только. А Марина... С ней всё было по-другому. Даже их первая ночь. Ничего такого до Марины он не испытывал. Вероника, конечно, не в счёт. Да что Вероника! Сколько их перебывало у него за время учёбы, Сергей устал считать. Он со своей внешностью был для девчонок мечтой: высокий, широкоплечий, со светлыми волосами и чайного цвета глазами, к тому же будущий офицер.

Сергею очень шла форма. Когда он приезжал домой, то любил покрасоваться перед девочками. Ему льстило, что они млели от одного его взгляда. Вероника жутко ревновала, крепко вцепившись в него, не желая отпускать ни на минуту. С Вероникой Сергей всегда расставался легко, потому что это была не любовь, а просто юношеское влечение.

Марина... Её по праву считали самой красивой медсестрой в госпитале. Все любовались ею, с трудом отводя глаза, потому что истинная красота всегда притягивает. Но она выбрала его, Сергея Стрельцова, молодого лейтенанта, юнца, который толком и пороха не успел понюхать: в первом же бою ранили. Ему страшно завидовали, а он, не обращая внимания на смешки и шуточки, летал на седьмом небе от счастья.

Любовь их началась внезапно. Они сами даже не успели опомниться и не сразу осознали. Той ночью, самой первой их ночью, они вместе много раз умирали и рождались вновь. И ни он, ни она тогда не знали, что судьба отпустила им так мало...

А сегодняшней ночью они, как всегда, измученные сладостной пыткой, долго лежали в обнимку на скомканных и влажных от пота простынях. Он говорил, а она слушала. И так им было хорошо вдвоём, что не хотелось отрываться друг от друга. Это была их последняя ночь.

– Как бы мне хотелось, чтобы наша любовь длилась вечность, как бы мне хотелось этого, Серёжа, – сказала она на прощанье...

Его завтра выписывают, а она остается здесь, в госпитале. Их будут разделять целых двадцать километров. Сосед по палате Пашка сказал, что это чепуха.

– Подумаешь, каких-то двадцать километров, не в разных же концах страны.

Нет, всё же Пашка не понимал: для него, Сергея, двадцать километров – это уже разные планеты. И можно ли теперь вообще жить без Марины?

«В самом деле, – думал Сергей, – двадцать километров – это же не двести». Он успокаивал себя, но тревожное чувство никак не проходило. Он долго ворочался на скрипучей кровати, но уснуть смог только к рассвету. Утром она прибежала к нему.

– Прости, Серёжа, я не смогу тебя проводить. Мне снова заступать. Галка на аэродром поехала, – сказала Марина, поглаживая его по голове.

Он вздохнул. Конечно, ничего не поделаешь, ведь кому-то надо быть в операционной, пока Галка, молоденькая пухленькая и веселая девчушка, сопровождала на аэродром груз для «чёрного тюльпана». Отвоевались, пацаны. Он судорожно сглотнул: никак не мог привыкнуть к смертям. Да и разве ж к ним можно привыкнуть? «Чёрный тюльпан» – самолет-гробовщик, никто не застрахован от него, все прекрасно это понимали. Но всё-таки надеялись на лучшее: на то, как вернутся домой, обнимут родных и любимых; на то, как полной грудью вдохнут запах родины; на то, как увидят первые шаги своих детей; на то, как дети будут жить без войны.

Нельзя привыкнуть к мысли, что убьют. Однако «чёрные тюльпаны» методично выполняли свою работу. Двадцатилетние пацаны возвращались домой в цинковых гробах. Сколько горя и боли там, дома. Но если б только там знали, что гораздо больнее тем, кто оставался здесь и провожал «тюльпаны», застывая от горя и осознания того, что ничего уже нельзя исправить и изменить.

Начальник отделения, седой усатый полковник, отдал Сергею выписку и пожелал здоровья. Лёшка приехал, как обещал. Он болтал без умолку, возвращая Сергея к привычной жизни.

- Ты чего такой? – спросил он, глядя на удручённого друга.
- Да так, – отмахнулся Сергей.
- Марина? – догадался вездесущий Лёшка. Тот в ответ лишь кивнул.
- Да, кстати, это тебе, – сказал Скворцов, протягивая письмо.

Сергей мельком взглянул и, узнав почерк Вероники, тут же спрятал письмо в карман, не читая. Лёшка удивленно посмотрел на друга и усмехнулся:

- Ну, ты даёшь!

Конечно, он прекрасно всё понял и больше к этой теме не возвращался, тактично переводя разговор на другое.

В части во время отсутствия Сергея ничего не изменилось. Всё было так же, как и до его ранения. Но Сергей чувствовал, что теперь жизнь для него разделилась на две половинки: до Марины и после.

- Салам! – приветствовали его мужики.

По поводу возвращения Сергея они устроили торжественную встречу. Но, странное дело, несмотря на количество выпитого, никто из них не опьянел. Близость смерти не давала пьянеть и расслабляться, сколько ни пей. Сергея даже водка не прошибла, он так и не смог справиться со своей тоской...

Марина привычно укладывала перевязочный материал в биксы, постоянно путая, где должны быть ватные тампоны, а где бинты.

– Маринка, не переживай ты так, – успокаивала её Машка, нескладная высокая и некрасивая девица, прозванная в госпитале Гренадёршей. – Мало, что ли, мужиков? Вон сколько красавчиков томится.

– Да разве дело в красоте? – не соглашалась с подругой Марина. – Понимаешь, Машка, со мной такого ещё никогда не было. Увидела его – и всё. Умерла сразу же. Это судьба моя.

– Ой, – Гренадёрша хихикнула, – это они, когда рядом с нами, – судьба наша, а как отъезжают, ну, хоть на километр, сразу забывают. Да у них у всех в Союзе то жёны, то любимые. Только у нас всё же преимущество есть.

- Это какое же?

- Здесь мы им и жены, и любимые.

– Да что ты плетёшь! – возмутилась Марина. – Машка, что ты, в самом деле? Здесь госпиталь... да и вообще... Не могу я так легко мужиков менять.

Гренадёрша засмеялась, обняла Марину и сказала, вздохнув:

– Ой, подруженька, побудешь здесь с моёй, попривыкнешь. Знаешь, почему я здесь? – Машка, хитро прищурившись, посмотрела на Марину и продолжила: – Там, в Союзе, на меня никто и не смотрел. Я не ты: рожей да кожей не вышла. Сначала как дура ждала неземной любви, такого сказочного принца, а когда поняла, что хренотень это всё, ничего я не дождусь, сюда попросилась. А здесь... – она усмехнулась и сказала, поглаживая себя по груди, – а здесь никто на мою рожу не смотрит, не до этого им. Они другое во мне оценили.

Марина сердито дернула плечами, высвобождаясь из крепких тисков подруги, но та не обиделась, а лишь раскатисто заржала.

– Твой Серёга тоже мужик и ничем от остальных козлов не отличается. У них у всех одно на уме. Может, ты и не встретишься с ним больше.

– Ты что? – испугалась Марина. – Обалдела? Он не козёл вовсе. Вот выведут нас, и мы поженемся.

Гренадёрша философски покачала головой и сказала:

– Ну, мы, бабы, дуры. Поженитесь, говоришь? Это он тебе наобещал? Можешь не отвечать, сама знаю, что он. Лапшу на уши повесил, а ты и слопала, дуручка. Удивляюсь я тебе, Маринка, вроде и замужем была, дочка есть, а ума не нажила.

– Врёшь ты все, – повернувшись к подруге, процедила Марина, – мой Сергей, он не такой. Я знаю. Я чувствую, что он любит меня. И я его тоже люблю.

– Ну-ну, – недоверчиво произнесла Гренадёрша, – время покажет, кто из нас прав.

– Нет, Машка, – ответила Марина, с волнением обращаясь к подруге, – ты не права и никогда не будешь.

Гренадёрша повернулась к Марине всем телом и с ухмылочкой сказала:

– Слушай, подруга, создаётся впечатление, что тебя, кроме мужа и Серёги, больше никто так и не о...

Смачное словцо, которое привычно раскатилось эхом по операционной, заставило Марину покраснеть. В госпитале она всего два месяца, но так и не привыкла к тому, что здесь матерятся все, даже медсестры. Она понимала, что ни в коем случае нельзя отличаться от остальных, это считалось плохим тоном, но до сих пор так и не смогла перебороть себя, разговаривая с ранеными ласково и подчёркнуто вежливо.

– Я вообще... по-настоящему стала женщиной только благодаря Серёже, – Марине с трудом дались эти слова.

– Ой, как всё у нас запущено, – рухнув от удивления на кушетку, проговорила Гренадёрша, а потом улыбнулась и сказала: – Счастливая ты, Маринка, завидую я тебе страшной завистью. Я замечала: мужики, когда с тобой разговаривают, готовы тебе руки целовать, а меня – облапывать. Тебе везёт, ты красивая.

Неожиданно она всхлипнула, и из её глаз покатились крупные слёзы. Но Машка как будто не ощущала их и не вытирала, продолжая признаваться Марине:

– Я думала, что приеду сюда, и всё изменится. Но ничего не изменилось. Неужели я не заслужила любви? Это, – она махнула рукой куда-то в сторону, – тоже не любовь. Маринка, я е... с этими козлами, но ведь баба во мне... бабы во мне нет, ничего я не чувствую-у-у-у.

Гренадёрша завывала в полный голос, истерично повизгивая. Марина села рядом с подругой и, прижав её голову к своей груди, стала успокаивать:

– Ну что ты, Машенька, что ты. Придёт и к тебе любовь, обязательно придёт. Просто не время сейчас. Я тоже думала, что так и проживу без неё. Сашка, муж, ведь только тело моё любил, а на душу мою ему было наплевать. Впрочем, как и на всё остальное. А вот Серёжа не такой. Я нашла, и ты найдешь. Обязательно найдешь. Вон Пашка, знаешь, как смотрит на тебя, когда ты мимо идёшь?

– Как? Как же он смотрит? – всхлипнула Машка. – Я ему только и нужна, что...

– Нет, ты не права. Мужчина так смотрит, когда любит, – ответила Марина.

– Скажешь тоже...

Они сидели так очень долго, обнявшись. Марина гладила Машку по голове, и та, постепенно затихая, перестала плакать. Уж и вечерние тени поползли по операционной, а они продолжали сидеть, раскрывая друг перед другом свои души. И были они, такие разные внешне, близки друг другу, как сёстры. Даже больше, чем сёстры, потому что объединяла их война.

А на войне всё по-другому. Мир совсем не такой, каким представлялся там, где её нет. Люди на войне тоже становились другими, они иначе понимали жизнь и ценили каждый её миг гораздо больше, чем те, кто оставался по другую сторону.

Пашка уж в который раз мерил шагами маленький коридорчик перед операционной. Он слышал за дверью голоса женщин, долетавших оттуда, но войти не решался. «Что она там, чёрт побери, делает? – думал он, злясь на Машку. – Ну, Гренадёрша, мать её... Обещала после отбоя, а сама...»

Пашка нетерпеливо покусывал губы и горел неутолимым, всевозрастающим огнём желания. Но в тот вечер Гренадёрша так и не пришла. Пашка, бесполезно прождав, вынужден был уйти, чтобы не навлечь на себя подозрения, хотя все и так знали про их связь.

Машкина душа, омытая слезами, наконец-то обрела покой. Марина, сама того не сознавая, помогла подруге иначе взглянуть на свою жизнь и поверить в любовь. Нет, конечно, Гренадёрша ещё не раз откликнется на мужские предложения, но не сегодня и не завтра. Сегодняшний вечер не пропал даром.

Она найдёт наконец свое счастье, когда вернется домой, в Союз: Пашка так и не сможет пережить разлуки с ней, и они поженятся. Но это произойдёт ещё не скоро, через год.

Утром, как обычно, Пётр Семёнович, главврач, созвал всех на планёрку. Решив все насущные проблемы, он попросил остаться медперсонал третьего отделения.

– Значит так, уважаемые, – обратился он к ним, – кто из вас поедет в медсанбат за ранеными? Чья очередь?

– Моя, – недовольно пробубнила Гренадёрша, шмыгнув носом.

Главврач посмотрел на неё, слегка удивившись, но так ничего и не спросил. Лицо у Машки после вчерашних слёз опухло, как будто его покусали пчёлы.

– Вот и хорошо, – сказал Пётр Семёнович, – прямо сейчас и поезжайте. Здесь недалеко, всего лишь двадцать километров.

Как только Марина услышала, в какое место направляют её подругу, у неё сжалось сердце. Рядом был ее Серёжа. Она, долго не раздумывая, подскочила к Гренадёрше и зашептала:

– Машенька, давай я съезжу, ну, пожалуйста. Там Серёжа, может, увижусь с ним.

Машка заулыбалась и согласилась:

– Ну, ладно, уговорила, поезжай. Сама хотела, а то засиделась тут, да уж ладно, иди, а то помрёшь.

Марина на радостях расцеловала подругу и, бросив «Спасибо», убежала.

– Только главному скажи, что замена у нас, – кинула ей вслед Гренадёрша.

Забегав к Петру Семеновичу и получив его согласие, Марина помчалась искать начальника отделения, с которым они должны были ехать...

Сергей отдыхал в своей палатке, когда к нему зашёл его друг и командир роты капитан Тетерин.

– Серёга, – сказал Иван, хитро прищурившись, – задание есть. В наш медсанбат за ранеными через час «санитарка» из госпиталя придёт, помочь надо. Ты как?

Сергей, не удержавшись, чуть было не свалился на земляной пол. Он подскочил как пружина.

– Еду я, еду, Ваня.

– Ну, вот и ладненько, – капитан хлопнул себя по колену, – вместе со Скворцовым и отправляйтесь.

Медсанбат находилась недалеко, в тылу, в полукилометре от них. Сергей выбрал из своего взвода ребят покрепче, и они поехали.

Ничего не предвещало беды. Здесь не должно было быть духов, тут – освобождённая территория. Вон и дехкане, крестьяне, возятся в поле, собирая уцелевший урожай. Сергею казалось, что бронетранспортёр движется слишком медленно... А душа его уже давно была там. Он чувствовал у себя за спиной крылья. «Может, там Марина будет, – думал он, – а если нет, то я ей хоть письмо передам». И вдруг он увидел её...

– Скорее, скорее, скорее! – Марина торопила машину и злилась, что та продвигалась слишком медленно. – Да что же это такое. Мы доедем когда-нибудь?

Ей так хотелось верить, что в конце пути её будет ждать Сергей. Она даже представила себе, как бросится к нему, и он, как всегда, крепко обнимет её. Она даже ощутила вкус его губ и запах одеколона. Её женское естество вновь пробуждалось, и она была не в силах противиться

этому пробуждению. Вот показался и медсанбат, расположенный в мазанках, стоящих близко, почти вплотирку друг к другу. Марина выскочила из машины на ходу, проигнорировав окрик Михалыча:

– Марина! Вернись сейчас же, разобьёшься, дура!

Но она, не послушав, благополучно спрыгнула и побежала к медсанбату. И вдруг увидела, как с другой стороны, поднимая столб пыли, к медсанбату приближался БТР. Марина напряженно вглядывалась в человека, сидевшего на броне. Его она узнала сразу же, скорее, сердцем, нежели зрением. Не удержавшись, она бросилась навстречу Сергею...

Никто так и не понял сначала, что же произошло. Марина не видела, как в руках у мирных крестьян вдруг появились автоматы... Первая же очередь прошла её насквозь... Марина пробежала по инерции ещё несколько шагов и упала...

Она даже не успела почувствовать боль: так стремилась её душа навстречу Сергею – её любви. Крик Сергея, странный, душераздирающий, постепенно затихал в её потухающем сознании. Она широко распахнула глаза, пытаясь разглядеть Сергея, но видела лишь небо, расклевное небо чужой страны. Постепенно и небо исчезло, и наступила темнота. Темнота, окрашенная кровью... «Странно, почему так темно?» – это было последнее, что она ощутила. Всего лишь несколько минут смогла прожить Марина, после того как упала, смертельно раненная...

А Сергей так и не простил себе, что не успел добежать до неё, не успел прикрыть её своим телом, а отдал её, свою любимую женщину, смерти...

Скалы безжалостным эхом выстрелов обрушились на горстку ребят. Духов было намного больше, и они напали внезапно, никто не ожидал их в тылу. Ребята даже не успели опомниться: трое так и остались лежать неподвижно в неестественных позах.

– Ах, вы! Мать вашу, сволочи! – выкрикивал Лёшка в сторону духов.

Марина лежала между ними: между чужими и своими. «Нет! Не может быть, – проносилось в Лёшкиной голове, – женщина... Марина... Мужики умирать должны... Мужики... на войне...» И тут он услышал рядом с собой нечеловеческий крик Сергея, его друга:

– Марина-а-а!

Её имя раскатилось эхом по скалам и унеслось в небо, где уже была её душа. Лёшка осознал, что Сергей сейчас бросится в самое пекло. Не раздумывая, он, что есть силы, схватил его и прижал к броне БТРа.

– Серёга, не надо! – тяжело дыша, умолял Лёшка своего друга.

А друг продолжал биться в его руках. Слёз у Сергея не было, он лишь рычал, стонал и просил:

– Пусти-и-и! Я к ней, она... там лежит, её убьют!

Лёшка не хотел говорить Сергею, что, скорее всего, Марина уже мертва, да и не поверил бы он. Самому с трудом верилось, что эта девушка, красавица, лежит сейчас мёртвая, и её глаза, от которых захватывало дух, её глаза неподвижно устремлены в небесную высь чужой страны.

Бой продолжался недолго, будто в песне – «короткий, как клинок кинжала». Наши среагировали быстро, прислав мощную поддержку. Когда закончилось самое страшное, Лёшка, ослабив хватку, выпустил Сергея. И тот побежал как пьяный, еле держась на ногах, то падая, то вставая. Добежав, Сергей рухнул на колени возле Марины, неестественно зарычал и упал сверху, стараясь защитить, прикрыть собой её уже мёртвое тело. Лёшка бросился к другу, поняв, почувствовав его боль, как только могут чувствовать душевно близкие люди. Пронзительно-зелёные глаза Марины врезались в память Алек сея Скворцова, и он, проведя рукой по её лицу, закрыл их навсегда.

Сергей не мог, не хотел верить, что Марины больше нет. Он взял её на руки и побежал к медсанбату. Михалыч, увидев, что Сергей несёт на руках Марину, сам кинулся навстречу ему, хотя понимал, что сделать он ничего уже не сможет, всё бесполезно: девушка погибла. Он пощупал ей пульс, но, не ощутив жизни, покачал головой.

– Ну! Ну же! – Сергей с мольбой смотрел на врача.

Уже немолодой, повидавший много смертей на своем веку, хирург от Бога, которого все любовно называли Михалыч, склонившись над убитой девушкой, заплакал. Вернее, те клоко-чущие звуки, что рвались из его груди, трудно было назвать плачем. Но слёзы, градом полившиеся из глаз, предательски выдали его состояние.

– Ах, ты, девочка... Как же это?.. Ты зачем это?.. Дочка сирота...

Сергей смутно помнил, что было потом, как будто всё происходило не с ним, а он лишь со стороны наблюдал за всем происходящим. Опустившись на землю рядом с Мариной, он обнял её тело и долго сидел так, боясь выпустить из рук. Ребята не трогали его, занимаясь своим делом. Раненых разместили в машине, убитых положили там же. Лёшке с трудом удалось оторвать своего друга от Марины. Её тело загрузили в машину последним. Пацаны, глядя на девушку плакали, не стесняясь своих слёз. Михалыч отказался ехать в кабине и сел рядом с Мариной...

В части привыкли поминать погибших. Но сегодня, молча хлебнув положенные сто граммов, мужики так и не смогли найти слов утешения для своего товарища. Пацаны сидели в скорбном молчании возле самодельного стола, сжимая в руках стаканы. О романе медсестры и Стрельцова знали все, многие завидовали ему, потому что им нравилась эта красивая сестричка. Ваня, положив руку на плечо Сергея, сказал:

– Завтра поедешь, простишься с ней.

Сергей выскочил из палатки и помчался куда глаза глядят. Лешка хотел было бежать за ним, но командир остановил его:

– Ничего, пусть. Ему надо.

Ребята, подвластные мужскому закону, молчали, не желая нарушать горестную тишину. Каждый из них понимал лишь одно: это неестественно, что погибла Марина, она не должна была погибнуть. Но что свершилось, то свершилось...

Сергей упал на каменистую землю, вгрызаясь в неё руками. У его горя не было слёз, он давно уже не плакал, разве что в раннем детстве, когда разбивал коленку. Он кричал что есть силы, и ветер разносил его крик во все стороны...

В госпитале и медперсонал, и раненые горестно обсуждали тихими голосами сегодняшнее несчастье. Лица у всех были нахмурены, никому не хотелось шутить и улыбаться. Марину все знали и любили и поэтому с трудом осознавали такую нелепую потерю.

Никто не слышал, как, забившись в угол в закутке у сестры-хозяйки, уткнувшись лицом в кучу простыней, нечеловечески выла Гренадёрша, навсегда прощаясь со своей подругой. Напрасно искал её Пашка, чтобы утешить. Он тоже до сих пор не опомнился от свалившегося на него горя. Когда лейтенанту Павлу Ильину, потерявшему много крови, надо было срочно делать переливание, то Марина, не задумываясь, дала свою кровь этому незнакомому парню. Она спасла его тогда, навсегда став кровной сестрой.

Когда же, спустя два года, у Ильиных родится дочь, то они, не сговариваясь, назовут её в честь Марины...

Сергей так и не смог перебороть себя и проводить Марину. Ему казалось, что если он поедет, то она умрёт. Умрёт навсегда. Почему-то запомнилась она ему не мёртвой, лежащей неподвижно на чужой земле, а живой, летящей к нему как птица. Никто из друзей не стал настаивать, они решили не трогать и не трепать его.

Машка молча перебирала Мариныны вещи, аккуратно складывая их в чемодан. Она взяла в руки фотографии. На одной из них они были вдвоём с Мариной. Марина, живая и здоровая, улыбалась в объектив. А вот другая фотография: на ней мама Марины и её дочь. Прижав фотографии к груди, Машка заревела. Заревела громко, как всегда, тихо у неё не получалось...

«Чёрный тюльпан», в последний раз махнув крыльями на прощанье, скрылся за облаками, унося на Родину свой печальный груз. Среди пацанов, лежащих в цинковых гробах, была и она, Марина, медсестра Центрального госпиталя, так нелепо и несправедливо погибшая. Они летели домой, чтобы лечь в родную землю. Летели домой, теперь уже навсегда...

После смерти Марины Сергей долго не мог прийти в себя. Он не хотел, чтобы его жалели, но был благодарен ребятам, что те понимали его боль. Месяц таскал он письмо от Вероники, напрочь забыв о нём. А когда нашел, так и не прочитал, порвал и сжёг. Вероника была его прошлым, а Марина, которую так и не отпустил от себя, его настоящим. Сергею казалось, что сердце его навсегда зачерствело, и он не сможет больше никого полюбить. Ему казалось, что его любовь была похоронена вместе с любимой женщиной...

Рота продвигалась по открытой местности. Впереди маячил кишлак, который казался очень мирным, но пацаны прекрасно знали, что мирное с виду селение таит в себе опасность, поэтому они шли осторожно, опасаясь наступить на мины, которые щедро понатыкали душманы. Сергей и Лёшка шли рядом, чувствуя дыхание друг друга. Когда они вошли в кишлак, Сергей приостановился и оглянулся на свой взвод. Лёшка, немного расслабившись, продолжал идти вдоль мазанок. Его крик утонул во взрыве, который прозвучал внезапно, оглушив идущих рядом ребят. Сергей сначала ничего не понял, но, не увидев Лёшки, всё же с трудом осознал, что произошло. Когда он подбежал к другу, то увидел страшную картину, которая перевернула всю его душу: Лёшкина нога лежала отдельно от тела, вторая тоже была в крови, и непонятно было, что с ней. Лёшка наступил на мину, которая сразу не убивала насмерть, а делала человека беспомощным инвалидом. Сергей в оцепенении смотрел на Лёшку...

И вдруг его горе, которое он с трудом подавлял всё это время, вырвалось наружу: он, с остервенением выставив вперёд автомат, ворвался в ближайшую мазанку. Там, наверное, собрался весь кишлак: старики, женщины, дети. Старики сидели прямо, с гордо поднятыми головами, уже готовые ко всему, даже к смерти, женщины плакали, а детишки испуганно жались к своим матерям. Но Сергей ничего этого не видел, ослеплённый ненавистью. Он вскинул автомат и стал стрелять по ним, пока не опустошил весь магазин...

Только спустя годы ощутил он чудовищность содеянного им, осудив самого себя. А тогда он ничего не ощущал, кроме своего горя и ненависти к врагам, которые убили его любовь и друга.

Ещё живого, но без сознания Лёшку отправили в госпиталь. Там он потерял и вторую ногу, которую, как ни старались врачи, но спасти не смогли. А потом вдруг в часть пришло уведомление о том, что лейтенант Скворцов Алексей скончался в госпитале, так и не приходя в сознание...

Война, несправедливо жестокая, разделила людей, сделала их врагами. Плач и стоны слышались как с той, так и с другой стороны. Только время может рассудить, кто прав, а кто виноват.

Для Сергея война закончилась в феврале восемьдесят девятого, когда наши вступили наконец на Советскую землю. «Вот и всё, – думал Сергей, вглядываясь в лица людей, которые радостно приветствовали их уже на нашей земле, – всё закончилось». Но он ошибался: для тех, кто прошёл через горнило войны, она, война, никогда не заканчивается, оставаясь в памяти на всю жизнь и не давая забыть.

Сергей

Наши дни...

Сергей устало откинулся в кресле. «На сегодня всё», – подумал он, глядя на часы. Домой ехать не хотелось: всё равно его там никто не ждал. Вероника отдыхала во Франции, а Вовка, сын, в молодежном лагере в Турции. Мама и отец звали его к себе, на Дон, где они жили вот уже несколько лет, после того как ушли на пенсию. Сергей купил им хороший дом, и они развели большое хозяйство, сад и огород.

– Приеду, мама, обязательно приеду, вот только Вовку дожусь. Вместе и приедем, – Сергей тактично отказался, сославшись на дела. Их и в самом деле было непереворот.

Вот уж двенадцать лет, как Сергей уволился из армии. И вот уже двенадцать лет, как они с Вероникой были женаты. Если бы не сын, которого безумно любил, он давно бы ушел от неё. Вовка принес Сергею настоящую радость. Вероника, добившись своей цели и женив на себе Сергея, прекрасно понимала, что получила лишь тело, но не душу его и не сердце. Она понимала это и всё же надеялась, верила, что всё переменится. Она немного ревновала мужа к сыну и чувствовала, что появление Вовки и отдалило от неё Сергея, и вместе с тем прочно привязало его к семье...

Ещё задолго до возвращения Сергея она стала близкой и родной в его доме. Родители уже давно называли её дочерью, хотя ни о какой свадьбе речи ещё не было.

Вероника хорошо запомнила тот вечер, когда вернулся Сергей. Она примчалась тут же, как только Елена Ивановна сообщила ей о приезде сына. Вероника кинулась Сергею на шею, но, ощутив его холодность, убрала руки. Девушка поняла: перед ней не тот, кого она знала и любила. «Что ж, – подумала она, – начнём всё сначала. Я не я буду, если он через пару месяцев не станет моим мужем». Веронике не пугала отчужденность Сергея, и всё равно она слегка встревожилась:

– Что с тобой, Сережа?

– А что со мной может быть? – огрызнулся он.

– Ты какой-то чужой и... страшный.

– Какой есть.

Но Вероника продолжала приставать:

– Почему ты не отвечал на мои письма? – замерев, она ожидала ответа.

– Не мог.

Вероника усмехнулась и спросила:

– Не мог или... не хотел?

– Думай, как хочешь.

«Ну, уж нет, дорогой, всё равно обломаю, никуда не денешься», – подумала она.

Вероника знала себе цену: невысокая блондинка с красивыми ярко-синими глазами и хорошей фигуркой. Парни все время крутились возле неё, как имели вокруг цветка, но она сама выбрала Сергея, потому что он возмутительно не обращал на неё никакого внимания...

Родители Вероники приехали в Москву из Сибири. Отцу предложили должность в Министерстве строительства. Такой лакомый кусок даётся в жизни один раз, и будущий министр тут же согласился, даже не посоветовавшись с женой.

Вероника пришла в школу, где учился Сергей, когда учебный год уже начался. Она сразу внесла оживление в 10«Б». Оживились, конечно, мальчишки. Как только она вошла, Сашика

Гаврилов, самый отъявленный в школе хулиган, тут же подумал: «Эта баба будет моей! Слово пацана!». Но Вероника, не обращая внимания на плотоядные мальчишеские взгляды, села рядом с Сергеем. Сердце её бешено заколотилось, всё вокруг поплыло, и она не видела ничего и никого, только его одного – парня со светлыми волосами и с глазами необыкновенного чайного цвета. Он не был писанным красавцем: самый обычный парень, симпатичный, не более. Но от него исходила какая-то неведомая сила, настоящая, мужская, и Вероника поняла это всем своим женским естеством. Перед ней сидел настоящий мужчина, такой, о котором она всегда мечтала. На слабых и безвольных она уже насмотрелась, а ей так хотелось сильного, надежного, с которым бы чувствовала себя истинной женщиной. Сергей был именно таким. Вероника была настолько уверена в силе своего обаяния, что безразличие этого парня слегка её покорило, и она решила для себя, что он будет только её и больше ничьим.

Класс принял новую ученицу не сразу, особенно девочки. Они долго присматривались к новенькой, близко к себе не подпуская. Поэтому ей пришлось подружиться с тихой и незаметной Таней Ивановой. С Таней практически никто не общался, а Веронике было так одиноко, что она готова была дружить с кем угодно. Но неожиданно её приняли в самый элитный круг Ритки Белкиной, у которой папа входил в штат Генсека. Конечно, Таня сразу же оказалась Веронике не нужна. Зачем? Ведь теперь она была принята в «высшее общество». Спасло Веронику положение её отца.

В этом обществе, членом которого она стала, у всех отцы занимали не последнее место в руководящем аппарате страны. «Золотых» детишек было немного, они держались особняком, никого не пуская в свой круг. Члены элитного общества имели право на многое: они могли не выучить урок, и им не ставили «двоек»; они дерзили учителям, и им сходило это с рук. Многие в школе мечтали стать частью этого общества. Но Ритка проводила тщательный отбор. Веронике повезло больше, чем остальным.

Как-то на перемене Белкина подошла к Веронике. Все замерли в ожидании. Ритка улыбнулась Веронике и пригласила её к себе на день рождения. С этого момента Вероника была принята везде, и не только в доме у Белкиной.

Вероника пришла с небольшим опозданием, когда все, разбившись на пары, уже сидели за столом и пили martini. Веронике досталось местечко рядом с некрасивым и нескладным Петькой Лазаренко, но с папой из Агропрома. Естественно, Петька совсем её не устраивал. Её душа рвалась к Сергею, на котором висела, не отпуская от себя, Ленка Сафонова, девица крепкого телосложения с самой заурядной внешностью.

Сергей, пожалуй, был в этом обществе единственной «белой вороной», потому что его отец был простым офицером и служил в одной из частей, а мама работала в больнице. Но Сергея здесь охотно принимали, и не только за его стройную, атлетически сложенную фигуру, а, главным образом, за то, что он считался парнем как раз той самой Ленки. Ленка занималась в подпольной секции каратэ, и поэтому девчонки побаивались даже флиртовать с Сергеем. То та, то другая девушка награждалась украшениями на лице, вызывающими издёвки и смехи всей школы.

Но это обстоятельство Веронику вовсе не смущало. Она была из тех, кто любой ценой добивался своей цели. Раз она решила, что Сергей будет принадлежать ей и только ей, значит, так тому и быть. И никакие Ленки не встанут у неё на пути! Вероника, оценив обстановку, тут же начала методичное наступление на Сергея.

– Не зарывайся, – посоветовала ей Белкина.

– А мне по барабану, – смело глядя Ритке в глаза, ответила Вероника и добавила: – Разве ты не видишь, она не стоит его?

Ритка усмехнулась:

– Неужели ты стоишь?

– Да, – твёрдо отрезала Вероника.

У Ритки в глазах заиграл неподдельный интерес:

– Каким же образом ты собираешься его отбить? Неужели дашь Ленке в глаз?

– Успокойся, – ответила Вероника, – твоя подруга не потеряет своё лицо. Есть много других способов привязать к себе парня.

– Может, поделишься? – попросила Ритка.

Вероника, наклонившись к самому уху подружки, ответила:

– Неужели сама не знаешь?

– Ах, ты об этом? – разочарованно проговорила Ритка и добавила: – Однако, ты смелая. Не боишься последствий?

– Последствий? – переспросила Вероника – Я что, разве похожа на наивную девочку? Кстати, это ещё не самый интересный способ, к тому же не очень действенный. Я хочу сказать, что не на всех мальчиков действует, а Сергей... – Вероника мечтательно вздохнула, – он другой, не такой, как все пацаны, с кем я встречалась, так что к нему нужно особый ключик подбирать. Чёрт возьми! А это интересно! Как в азартной игре: выиграешь или проиграешь. Но я выиграю. Обязательно! Я не я!

Ритка засмеялась и, похлопав в ладоши, сказала:

– Тогда действуй. А я посмотрю, как это у тебя получится. Мне даже интересно, чем всё это закончится.

Про себя же подумала: «Хваткая, однако, девица, с такой можно вершить великие дела».

Но как бы Вероника ни бахвалилась перед Риткой, у неё ничего не получалось. Сергею, казалось, было абсолютно всё равно, кто рядом с ним. Ни Лена, ни Вероника ему особенно не нравились. Ритка, которая была мастером раздувать скандалы истравливать людей между собой, сразу поняла, что девчонки друг другу не уступят. Она, потирая руки, наблюдала за их каждодневными перепалками, но принимать чью-либо сторону не торопилась.

Ленка не выдержала и примчалась к Ритке.

– Ритка, стерва, – прошипела Ленка, – кто тебе дороже: я или эта курва?

– Леноч, – ответила Ритка, вальяжно откинувшись в кресле, – решай свои проблемы сама. В этом деле я тебе ничем помочь не могу. К тому же Вероника из нашего круга, и она мне нравится. А ещё...

Ритка о чем-то глубоко задумалась и замолчала, не желая продолжать разговор.

– Что ещё? – с нетерпением спросила Ленка, глубоко возмущённая предательством подруги.

– А ещё, – усмехнувшись, продолжила Ритка, – у меня на неё далеко идущие планы, да и на тебя тоже. Так что советую с ней помириться, вы мне будете нужны в одном деле.

– В каком ещё деле? Что за планы? – Ленка удивленно приподняла брови.

– Да так, пока не время об этом говорить. Вскоре ты обо всём узнаешь, – и подумала: «Возможно... Если не надоешь мне».

Но Ленка не хотела мириться с несправедливостью:

– Я ей морду разукрашу, чтобы не смела на чужое зариться, курва, – пообещала она.

Ритка подскочила в кресле и, наклонившись к своей, как она считала, недалекой и тупоголовой подруге, злобно зашипела:

– Что хочешь делай, а руки не распускай.

– Что? Что? – не поняла Ленка.

Ритка повторила четко, выговаривая каждое слово:

– Не смей её трогать. Поняла, дура!

– Хорошо, – быстро согласилась Ленка, – если хочешь, не буду её трогать. Только всё равно, Ритка, ты стерва.

Потом обиженно засопела и добавила:

– А кровушку ей всё равно попорчу.

– Это как тебе будет угодно, – согласилась Ритка.

Что ни говори, Белкина имела большой авторитет в своем кругу, так как была признанным лидером, кроме того, она была уверена на все сто, что Ленка не посмеет её послушаться.

Ленка не понимала, почему Ритка встала вдруг на сторону Вероники и не помогла ей, своей лучшей подруге. Так что с соперницей придется разбираться самой, да ещё непривычным способом – без рук, деликатно. А деликатничать Ленка не привыкла, но идти против Ритки как-то не хотелось. «Зараза всё же эта Ритка, – думала она, – а эта Вероника, как я её ненавижу. И зачем только её черти принесли? Пацаны – козлы, только на неё и пялятся».

Вероника подозревала, что внесла некий резонанс в этот круг избранных. Она была рада до потери пульса, что её приняли. Даже учителя стали по-другому к ней относиться. В общем, быть избранной в круг Ритки Белкиной давало много привилегий и преимуществ.

Сергей же, в отличие от Вероники, вовсе не дорожил дружбой с «высшим обществом» и гораздо чаще проводил время в обществе других пацанов. Вместо вечеринок и встреч, бесполезных, скучных и однообразных, он бывал в совершенно ином месте: с детства мечтал стать десантником, поэтому записался в ДОСААФ, как только позволил возраст. Каждое утро и в мороз, и в жару бегал по десять километров, мог часами просиживать на карнизе девятиэтажки, свесив ноги вниз, и снисходительно поглядывать на прохожих.

А ещё эти захватывающие прыжки с парашютом! Сергей испытывал настоящую радость, когда парил над землёй. Как велико было это небо и как ничтожны казались ему земные мелочи: вечные упрёки надоевшей Ленки, тщетные попытки Вероники завоевать его, никчемные псевдодрузья со своими сборищами, на которых смотрели видео, новшество, привезённое Ленкиным отцом, работником МИДа, из-за границы, и на которых было принято курить лёгкую травку. Сергей вообще не переносил табачного дыма, поэтому не курил. Как ни старались приучить его к курению Ритка и остальные, у них ничего не получалось. Сергей держался стойко, оттачивая силу воли, и они наконец отстали от него.

Вероника не торопилась, она приручала Сергея постепенно, стараясь не перегибать палку, и вскоре поняла, что выиграла. Постепенно она стала казаться ему намного предпочтительнее Ленки, потому что была не только симпатичной, но и умной. И он стал оказывать ей кое-какие знаки внимания. Во-первых, Вероника не курила, во-вторых, не ругалась как сапожник, в-третьих, следила за своей внешностью. Если бы он только знал, какого труда ей стоило не закурить, но она держалась, всё же исподтишка покуривая, когда никто не видел.

Осознав, что стала нравиться Сергею, Вероника воспрянула духом и уже как бык ринулась в наступление. Ленка, конечно, переживала из-за вероломства своего возлюбленного, но быстро утешилась, когда Димка Задорожский, самый красивый мальчик в школе, по которому сохли все девчонки и мечтали о нём, плача по ночам в подушку, подарил ей в знак своего расположения дефицитные французские духи. Димкина мама работала товароведом в престижном универмаге и готова была подарить Ленке всё, что угодно, потому что от её папы зависело поступление сына в МГИМО. Ленка легко сменила Серёжу на Димку и была вполне счастлива. Вероника возликовала: теперь все препятствия были устранены, и она ненавязчиво стала полноправной девушкой Сергея.

Но Сашка Гаврилов с подобным положением вещей мириться не желал и подрался с Сергеем из-за Вероники. Это случилось на школьной дискотеке. Парни, как обычно, приняв на грудь по грамм пятьдесят в туалете, отправились танцевать. Сашка всегда был рьяным участником подобных мероприятий, но в этот раз хлебнул лишнего. Пацаны долго гоготали в туалете, обсуждая свои проблемы. Ребят развеселило то, что учителя, устроив перед дискотеккой проверку, «шмон», по их карманам, так и не удосужились заглянуть в туалетные бачки, куда заблаговременно было припрятано всё, что нужно. Сергей никогда не пил, но с

пацанами стоял. Те давно уже привыкли к этому и не заставляли его. Сашка, прикурив, стал поддразнивать Сергея:

– Что ты мнѣшься, как баба? С одного глотка не помрѣшь.

– Отстань от него, Гаврила, – попросил спокойный и немногословный Олѣжка Нестеров, по прозвищу Амбал, у которого был рост метра два, широкие плечи и кулаки в два раза больше, чем у любого пацана.

Говорил Олѣжка крайне редко, лишь тогда, когда задевали за живое. Он считал Сергея своим другом, потому что вместе с ним ходил в один и тот же ДОСААФ.

Связываться с Олѣжкой – потерять здоровье, поэтому все предпочитали с ним дружить. Сашка, пожалуй, единственный, кто не боялся Олѣжку, но тут, к всеобщему удивлению, предпочёл не нарываться. Обычно Сашка так легко не сдавался, и пацаны поняли, что будет драка, причем серьёзная – не на жизнь, а на смерть.

На дискотеке, когда Сергей танцевал с Вероникой, Сашка, толкнув девушку, спровоцировал скандал. Естественно, Сергей как истинный пацан не мог спустить такого Сашке с рук, и ребята сцепились прямо здесь, в зале. Обоим грозил «неуд» по поведению, а значит, плохая характеристика, но они, ослеплённые ненавистью друг к другу, ничего не видели и не слышали. Пацаны мигом образовали круг, оттеснив девчонку, и под их визг улюлюкали и подначивали дерущихся ребят. Олѣжка решил помочь своему другу, он умудрился втиснуться между Сергеем и Сашкой. Вдруг включился свет, и ребята, поняв, что учителя сейчас всё равно прервут интересное зрелище, а пацанам влетит, тут же помогли Олѣжке.

– Что здесь происходит? – раздался визгливый голос Тамары Яковлевны, завуча школы, по прозвищу Дуремарша.

– Ничего, Тамара Яковлевна, ничего, танцуем.

Ребята поспешили образовать стену, прикрывая Сергея, у которого из разбитой губы текла кровь. Сашка уже успел улизнуть, позорно покинув поле боя. «Зубы пересчитывать пошёл», – подумал довольный Олѣжка. Он был ужасно рад, что его друг накостылял Гавриле, которого уважительно побаивались все пацаны, даже сам Олѣжка, хотя виду, конечно, не подавал.

«Это из-за меня! Ура! Он подрался из-за меня!» – ликовала Вероника. От радости, распиравшей её, хотелось кричать во весь голос, но она, справившись с собой, состроила страдальческую мину и подскочила к Сергею.

– Серёжа, Серёжёнка, мой хороший.

– Отстань, – сказал Амбал, легонько отодвигая Веронику от друга, – иди вон с девками потанцуй.

Увидев кровь, Вероника не на шутку перепугалась:

– Тебе больно? Да?

– Нет, приятно, – ответил всё ещё разозлённый Сергей.

– Да уйди ты! – раздражённо повторил Олѣжка.

Вероника хмыкнула и отошла в сторону:

– Ну, и пусть!

Об одном она не догадывалась: оказись на её месте какая-нибудь другая девчонка, Сергей поступил бы точно так же. Его родители с детства прививали ему мужской кодекс чести...

– Драться надо только за правду, женищин и слабых не обижать, – учил сына отец.

– Да, да, – поддакивала мужу мама, прикладывая мешочки со льдом к ушибам и синякам, которые Серёжа приобретал в честных боях...

С той самой дискотеки они с Вероникой и стали встречаться. Она постепенно вошла в его жизнь, и он просто привык к ней, как привыкают к кому-нибудь или к чему-нибудь...

Сергей вышел на улицу, привычно оглянувшись на свой банк, красивое, современное трёхэтажное здание, и пошёл к ожидавшей его машине.

– Подайте бедному воину на пропитание, – раздался вдруг скрипучий голос откуда-то снизу.

Сергей обернулся и увидел сидящего в своей старой инвалидной коляске безногого калеку, бомжа, одетого в потрёпанную, выдавшую виды «хэбушку» и в тёплую, нахлобученную на глаза шапку-ушанку, которую он не снимал ни зимой, ни летом.

– А-а, – сказал Сергей, – Сашка, это ты.

– Я, – ответил тот и протянул Сергею свою грязную ручищу.

Вот уже несколько лет подряд каждый день этот бомж встречал и провожал Сергея у двери фешенебельного банка и просил милостыню.

Как только он появился тут в первый раз, ребята из охраны попытались разобраться с ним и отогнать, но Сергей не позволил. Взглянул на инвалида – и сжалось сердце. Воспоминания роем пронесли в голове: Марина, мёртвая, лежащая на чужой земле с устремлёнными в небо зелёными глазами, окровавленный Лёшка без ноги...

Таким образом, бомж получил негласное разрешение на аренду территории. Но он не злоупотреблял «гостеприимством» и появлялся лишь утром, когда банк открывался, и вечером, когда Сергей покидал его.

Привычно сунув калеке стодолларовую купюру, Сергей нырнул в «Мерседес» и уехал. Нищий продолжал что-то бормотать ему вслед, кланяясь чуть ли не до асфальта.

– Опять Сашка приставал? – спросил у Сергея его шофёр Юра. – И откуда он только взялся? Только весь вид нам портит.

– Ничего, пусть, он не мешает, – отозвался Сергей.

– Добрый вы, Сергей Владимирович, давно бы задание ребятам дали, может, он вовсе и не воевал, – сокрушённо покачал головой Юра.

– Людям верить надо, Юра, – сказал Сергей.

– Верить, верить, – проворчал Юра и добавил с обидой за своего шефа: – Вы вон пашете, а ваш заместитель в Париже прохлаждается. Можно подумать, что Максим Петрович там работает.

Сергей в ответ улыбнулся на Юркины слова. Как ни странно, Юрке позволялось многое: он мог встречать в разговор, ворчать на своего шефа, высказывать своё мнение. Но Сергей до сих пор держал у себя этого парнишку, младшего брата своего бывшего сослуживца. Если бы не Сергей, Юрка попал бы в тюрьму, так как связался с плохой компанией. Обеспокоенный старший брат попросил помощи у своего богатого друга, с которым они когда-то вместе воевали. Сергей никогда и ни в чём не отказывал своим друзьям, повинувшись всё тому же мужскому закону, который навсегда сплотил их в одно большое братство. Максим, заместитель Сергея, как-то сказал:

– Я на вашем месте давно выгнал бы этого болтуна.

– Ничего, пусть, я должен знать мнение народа, – ответил тогда Сергей...

Вот уже пять лет, как он стал президентом «Китеж-банка». Конечно, помог влиятельный тесть – отец Вероники. Именно он заставил зятя поступить в финансовый институт, о чём Сергей ни разу не пожалел. Впоследствии, когда уже стал богатым человеком, владеющим домами, квартирами, машинами, счетами в зарубежных банках, он всё равно оставался прежним, и что самое важное – не потерял друзей в своей новой жизни. Кроме того, его банк часто проводил благотворительные акции в помощь инвалидам и семьям погибших офицеров и солдат. Люди, получая новые квартиры, порой даже не догадывались, через какие бюрократические препоны приходилось прорываться их благодетелю. Конечно, деньги играли здесь главную роль. Сергей никогда не жалел их и щедро делился ими с людьми.

Банковскому бомжу Саике, «нашему», как в шутку называли его сотрудники, Сергей тоже пытался помочь. Но посланная круглая сумма тут же вернулась обратно со словами, которые гордый бомж передал хозяину: «Некоторым людям деньги нужнее, а у меня всё есть». Однако привычную милостыню он принимал с удовольствием.

Веронике подобная благотворительность мужа страшно не нравилась, и они часто ссорились по этому поводу. Эти ссоры, как правило, заканчивались одинаково: он переезжал в загородный особняк вместе с сыном, который не хотел расставаться с отцом, а она оставалась одна в огромной городской квартире.

Но однажды чаша терпения переполнилась...

– Ты разоришь нас! – кричала она. – Отец мой с таким трудом пробивался в жизни, ты же пришёл на всё готовенькое.

– Чего тебе не хватает? – Сергей нервно ходил взад-вперёд. – У тебя есть всё, и даже больше. Неужели тебе жалко поделиться суммой, отсутствие которой ты даже не ощущаешь? Между прочим, я должен проводить благотворительные акции, это часть политики.

– Да, но не в таких размерах. Твои вояки сидят у нас на шее уже целыми семьями. Ты не можешь помочь всему миру. И ещё, – она потрясла листочками денежных переводов, которые нашла, порывшись в столе Сергея. – Скажи, сколько лет ты посылаешь переводы Скворцовым?

Сергей мрачно посмотрел на неё и сказал:

– Не смей!

Нет, его покорило вовсе не то, что она бесцеремонно совала нос не в своё дело и рылась в его вещах, а то, что она упрекнула его в помощи Лёшкиной семье...

С родителями Лёшки он познакомился ещё на первом курсе. Двери их гостеприимного дома были открыты для всех друзей сына, а дружил Лёшка чуть ли не со всем училищем.

Когда друг погиб, Сергею досталась страшная миссия – именно он привёз цинковый гроб в добрую семью Скворцовых, которых хорошо знал и любил.

– Лучшие уж ты, чем кто-то, – сказал Тетерин, провожая Сергея.

И вот опять разрытая могила, рядом цинковый гроб, солдаты, салютующие герою, и почерневшие от горя тётя Настя, дядя Толя и сестра Наташка. Сергей стоял, согнувшись от душевного груза, который свалился на него. Когда Лёшку стали закапывать, мать дико закричала и безумно бросилась вперёд. Если бы Сергей вовремя не удержал её, она упала бы прямо в могилу сына. Родители Лёшки так и не узнали, что там только половина их сына, обрубок без ног.

Накануне похорон, вечером, тётя Настя упала перед Сергеем на колени и взмолилась:

– Сынок, Серёженька, расскажи мне всё, я должна знать, как он... погиб? Я мать, я должна...

Сергей сглотнул комок в горле и стал рассказывать. Язык не слушался его, слова давались с трудом, он снова и снова переживал гибель своего друга. Но так и не смог рассказать всю правду, лишь часть её. Просто он понял: если расскажет всё, то хоронить надо будет уже двоих...

Тётя Настя долго лежала на свежем холмике, она не плакала, потому что не было слёз у Лёшкиной матери, их высушило горе, она лишь что-то шептала, как будто разговаривала с кем-то. Родственники с трудом оторвали её от могилы сына и увели. Сергей остался один на кладбище. Здесь приятно пахло осенью, а там... там ещё было лето. Сергей закрыл глаза и вспомнил, как хоронили Олежку, его одноклассника и друга...

Олежка провалил экзамены в военное училище и пошёл в армию. Вот так он и оказался там, первый из их класса. А потом... Сергей приехал на зимние каникулы в отпуск, а друга

привезли в цинковом гробу. В тот день был сильный мороз, и копать глубоко промерзшую землю было трудно. На Олежкины похороны пришел весь бывший 10 «Б». Ребята стояли, плотным кольцом окружив могилу. Девчонки поддерживали сразу постаревшую маму Олежки, которая с трудом понимала, что происходит вокруг. А когда друга закопали, она вот так же, как потом тётя Настя, упала на могилу и стала биться в истерике. Тогда же, стоя на могиле Олежки, Сергей понял, куда он попросится после окончания училища.

Как ни старались родители переубедить его, так и не смогли.

– Пойми, сынок, – упрашивала мама, – такая возможность, ты будешь служить рядом с домом.

– Не могу я, – пробурчал Сергей.

– Ну почему? – спросил его тогда отец.

– Так надо.

Отец хотел что-то ещё сказать, но потом, взглянув сыну в глаза, осёкся, помолчал и медленно кивнул головой...

Сергей убрал жёлтый кленовый лист, который упал на свежесвырытую землю и сказал, глядя куда-то в небо:

– Ну вот, Лёшка, вот и всё. Ты не думай, я их не оставляю, я обещаю тебе, клянусь честью, – потом, немного помолчав, добавил: – Ты, наверное, там с ней встретился... Ты скажи ей, что я люблю её... до сих пор... люблю... Где же твоя могила, Марина? Почему ты так бесследно исчезла? Я искал, не нашёл, но я найду, слышишь, обязательно найду.

Сергей знал, что мама Марины, отказавшись от помощи военкомата, пожелала сама похоронить дочь, но вот где, никто не знал. Следы Мариной семьи вообще затерялись, бабушка забрала внучку с собой и куда-то переехала.

Сергей сдержал своё обещание: Лёшкина семья ни в чём не нуждалась. Сначала раз в полгода приходили на их счёт незначительные суммы денег, но со временем денежные переводы увеличились и стали приходиться раз в месяц.

Но никакие деньги в мире не смогут залечить душевную рану, которая будет кровоточить всю жизнь и в горе, и в радости. Лёшкин отец пережил сына лишь на два года, оставив жену и старшую дочь. Именно Наташа спасла тогда мать от помешательства.

Вот уже много лет Сергей в один и тот же день приезжал на могилу друга – в день его гибели. Он садился на скамеечку, открывал бутылку водки и пил прямо из горлышка, закусывая, чем придётся. И каждый раз он просил Лёшку передать Марине, что любит её всё так же сильно, как раньше. Только здесь, на могиле друга, он мог говорить о ней, снова и снова переживая каждый миг их любви. Ему становилось легче после этой исповеди:

– Ну вот, и прожил я с ней ещё раз целую жизнь, нашу жизнь...

А ещё он рассказывал другу про свои дела, про сына, ни разу не упомянув о Веронике, как будто её вообще не существовало в его жизни. Наговорившись вволю, Сергей шёл пешком через весь город к Скворцовым.

Постаревшая тётя Настя, радуясь приходу Сергея, всё так же гостеприимно встречала его:

– Проходи, сынок, проходи, я тут котлеточек нажарила, какие ты любишь.

Они могли разговаривать с ней часами, не замечая времени. Сергей ничего не скрывал от неё, и тётя Настя знала о его жизни всё. Она по-матерински радовалась его успехам, переживала за неудачи. Сергей рассказывал ей про Вовкины шалости, а тётя Настя всегда смеялась.

А однажды, когда сын подрос, он вместе с ним приехал на могилу друга. Вовка, проникшись моментом, молча наблюдал за отцом, не желая нарушать ритуал. Только он никак не мог понять, о какой Марине всё время говорит папка. Вовка не удержался и спросил отца.

– Я всё расскажу тебе, сынок, обязательно расскажу, но не сейчас.

Вовка слегка обиделся: неужели папа не доверяет ему? Ведь он всё понимает, он взрослый. Он знает, что они приехали на могилу папкиного друга, с которым он воевал. И вообще он часто ездит с отцом на встречи с его друзьями, он хорошо их знает, а с близнецами Тетериными даже ходит на футбольную секцию. И мама не права, когда ругает отца за друзей, ведь они такие хорошие и добрые.

Когда они пришли к тётке Насте, та долго гладила Вовку по голове и вздыхала.

– Какой ты славный, внучек, так на папку похож. А у меня Алёнка, внучка. Вы, поди, с ней одногодки. У Лёшеньки тоже мог бы быть такой сынок...

– Приехали, Сергей Владимирович, – Юра открыл Сергею дверцу.

– Уже? А я, кажется, задремал.

Юра удивлённо поднял брови:

– Да нет, вы не спали, вы просто сидели, задумавшись, даже не слышали, как телефон звонил.

– Разве? – Сергей вышел из машины и медленно направился к дому.

Красивый богатый особняк встречал его тёмными глазницами окон. Сергей оглянулся вокруг: всё же хорошо здесь. Правильно он сделал, что не послушался Веронику и построил дом не в фешенебельном районе, а совершенно в другом месте. Здесь природа радовала глаз, и особняк хорошо вписывался в ландшафт. Вероника не любила сюда приезжать и купила себе другой дом. А здесь они жили вдвоем с сыном. «Надо бы заняться постройкой конюшни, Вовка давно просит», – подумал Сергей и вошёл в дом...

Женька

Женька подняла голову и посмотрела на часы.

– Ещё только семь часов, какая рань, – проворчала она. Спать совершенно не хотелось. По закону подлости всегда так бывает: как выходной, встаёшь ни свет ни заря, а вот на работу порой даже просыпаешь.

Сегодня ей никуда не надо было торопиться. Она не спеша встала и прошлёпала в ванную.

– Ну вот, дорогая, ты и дождалась своего двадцатипятилетия, – сказала она самой себе, рассматривая своё же отражение в зеркале.

Оттуда на неё смотрела довольно симпатичная мордашка с маленьким аккуратным носи-ком, пухленькими губками и красивыми зелеными глазами. Женька причесала свои длинные каштановые волосы, всклоченные после сна, и добавила:

– А впрочем, какая разница, двадцать пять или тридцать пять...

Для неё давно уже не существовало дней рождений. В детстве, когда была маленькая, Женька их очень любила. В доме всегда собиралась куча народу, и праздник продолжался до глубокой ночи. Бабушка Надя, папина мама, пекла вкусные пирожки, а бабушка Лена, мамина мама, устраивала незабываемое торжество. Как давно это было! Ещё в той жизни...

Когда от них ушёл папа, бабушка Надя обвинила во всем маму и больше не приезжала к ним. Поначалу Женька продолжала общаться с бабушкой, но однажды та не пустила её на порог и захлопнула дверь перед самым носом. Женьке было обидно до слёз, и она проследила за бабушкой и папой. Оказывается, в тот день у папы в его новой семье родился ребёнок. Вот, значит, как! Мама совсем не виновата! Это папа, будучи женат на маме, имел ещё и эту тётку. Женька была не такая уж и маленькая, всё-таки в четвёртом классе училась, понимала, что к чему. Спасибо Светке, старшей сестре её подружки Вики. Та после восьмого класса поступила в медицинский техникум, вот и просвещала в свободное от учёбы время несознательную молодежь. Женька хорошо помнила, как они с Викой, забравшись под стол, читали Светкины учебники по анатомии, а если чего не понимали, то старшая подруга с живостью им всё объясняла.

Именно со Светкой Женька тогда поделилась своими наблюдения.

– Ну, и гад же твой папанька, – сказала Светка, – он изменял твоей мамке с другой бабой, с любовницей то есть, да ещё и ребёнка ей сделал.

– Это как сделал? – спросила наивная Женька.

– Подрастёшь, узнаешь, – философски ответила Светка, – единственное, что я тебе могу точно сказать: твой папаня оказался настоящим козлом.

Женька кивнула головой, в свои десять лет, благодаря всё той же Светке, она знала истинное значение этого слова. Знала также и то, что все мужчины делятся на два вида: козлы и не козлы. К сожалению, ей достался в папочки представитель первого вида.

Женька тогда крепко обиделась на отца, да и на бабушку тоже. Она перестала наби-ваться к ним в гости и больше не приезжала, вычеркнув их из своей жизни.

Её мама, молодая, красивая, так и не вышла замуж. Ей просто было некогда. Женька видела, как надрывалась мама на двух работах, чтобы её дочь ни в чём не нуждалась. Женьке было стыдно, и она мечтала поскорее вырасти, чтобы мама как следует отдохнула.

Но однажды мама пришла с работы раньше обычного и сказала, что уезжает в коман-дировку, а Женька должна пожить у бабушки Лены. Как не хотелось тогда ей отпускать маму!

Они с бабушкой провожали её в аэропорт. Погода стояла ясная и теплая. «Вот, зараза, – думала Женька, – самолёт при такой погоде обязательно взлетит, если бы пошёл

дождь...» Но дождь в тот день так и не пошёл, и мама, в последний раз обняв дочь, сказала ей на прощанье, что очень сильно любит её.

– Я тоже, мамочка, я тоже, – шептала в ответ Женька и плакала.

Мама гладила её по голове и вздыхала:

– Ну что ты, дочка, что ты, я же вернусь, обязательно вернусь.

Женька вытягивала шею, чтобы хоть ещё один разочек увидеть маму, перед тем как та скроется за дверями пропускного пункта. Провожжающих туда не пускали. И вдруг Женька почему-то осознала, что это всё, конец, и маму она больше живой не увидит.

– Мама! – закричала она что есть силы. – Мамочка! Не улетай! Я прошу тебя!

Женька, расталкивая всех, ринулась вслед за мамой, но её поймал какой-то мужчина в лётной форме:

– Стой! – сказал он. – Туда нельзя, девочка.

Подбежала бабушка и закудаhtала:

– Женька, Женечка, пойдём, моя хорошая, пойдём со мной.

– Мама! – ещё раз истошно закричала Женька.

Мама обернулась в последний раз и, помахав ей рукой, скрылась из виду.

– Она не вернётся, бабушка, она больше никогда не вернётся, – Женька истерично рыдала, не обращая внимания на удивлённые взгляды окружающих её людей.

– Что ты говоришь, успокойся сейчас же, – бабушка даже разозлилась немного, – она просто летит в командировку.

К сожалению, жизненные обстоятельства были выше Женьки, она не могла сделать так, чтобы мама осталась дома и не улетала в свою проклятую командировку. А как бы хотелось!

Вот и день рождения настал, а мамы всё нет. Бабушка, как всегда, постаралась на славу: приготовила замечательный праздник. Дети танцевали и веселились, поэтому Женька не услышала этого звонка в дверь.

Открыла бабушка: на пороге стоял мужчина со скорбным лицом. Бабушка заперлась с ним на кухне, а потом Женька услышала крик. Тут же из кухни выскочил испуганный дядька и спросил, где у них тут телефон. Женька молча указала ему на аппарат, висящий на стене в прихожей. Бабушка лежала на полу, сжимая в руке какой-то смятый листочек, а дядька орал по телефону:

– Алло! «Скорая»! Алло!

Испуганные дети столпились в прихожей, не понимая, что случилось. «Скорая» приехала очень быстро, мужик, тряся своим удостоверением, торопил врача. Тот после осмотра бабушки сделал диагноз – сердечный приступ – и забрал бабушку в больницу.

Все разошлись по домам, и Женька осталась одна. Она подобрала скомканный листочек, распрямила его и прочла... Чёрная пелена опустилась на глаза, буквы слились в одну сплошную линию, строчки перепутались: мамы больше **нет**. Это единственное, что она осознала. И не стало её в Женькин день рождения.

Почему так несправедливо распорядилась судьба? Почему это произошло именно с ней, с Женькой? Как же она не хотела, чтобы мама уезжала, как же не хотела...

Женька, забившись в уголок, тихо плакала, прижимая к груди уведомление о маминой смерти. Сколько она так просидела, не помнила. Может, час, может, два, а может, день и ночь. За окном бушевало лето, пели птицы, шумел ветер, цвели цветы, но только не для мамы. Мама ничего этого больше не увидит. Почему умерла мама? Ведь она была совсем ещё молодая и такая красивая? Не было ответа на этот вопрос. Да и неважно теперь это, маму ведь не вернёшь...

А потом были похороны. Когда хоронили маму, лил сильный дождь. Бабушку отпустили из больницы, не покупившись на уколы, так что она стояла совершенно спокойная, с окаме-

невишим от горя лицом, лишь немного покачивалась. Если бы бабушкины подруги не поддерживали её, то она упала бы в разрытую могилу.

Поминали маму в той же комнате, где недавно был Женькин день рождения. Женицины сутились на кухне и вокруг стола, а они с бабушкой просто сидели, тесно прижавшись друг к другу. Вечером бабушку отвезли в больницу, а Женьку забрала тётя Оля, мама Вики и Светки. Так и прожила Женька у подруги, пока не выписалась из больницы бабушка.

Дни потекли своим чередом, месяцы сменялись годами, но уже без мамы. Чтобы прожить, бабушка вынуждена была разменять квартиру. Вот они и переселились в небольшую однокомнатную «хрущёвку», а вторую такую же сдали молодой семье с маленьким ребёнком.

После смерти мамы папа стал полноправным хозяином квартиры, в которой они раньше жили всей семьёй, и, выписав из неё Женьку, продал. Деньги, полученные за квартиру, конечно, прикарманил себе, не поделившись со своей бывшей тёщей. Бабушка тяжело переживала из-за этого и чуть снова не попала в больницу, тогда Женька взмолилась:

– Бабуля, ничего нам от него не нужно, пусть подавится. Вот я вырасту и заработаю много денег. Потерпи, я скоро уже вырасту, совсем чуть-чуть осталось.

Бабушка расплакалась, обняла внучку и пообещала, что она больше не будет переживать, и даже убрала «Валидол». Больше в их семье о папочке не вспоминали, лишь однажды, когда бабушка узнала о том, что Женька вопреки её воле пошла не в институт, а в простое училище.

– Что ты натворила? – ужаснулась бабушка. – У женицины в наше время обязательно должно быть высшее образование.

– Но ведь у мамы тоже не было высшего образования, – парировала Женька.

– Твоя мать, – гневно сказала бабушка, – бросила институт из-за этого... этого... – интеллигентная женицина никак не могла найти нужного слова.

– Дурака, подонка, подлеца, козла, – подсказала Женька и добавила: – Не стесняйся, мне всё равно, каким словом ты назовёшь моего биологического отца.

– Что ты, что ты, – замахала руками Елена Ивановна, – не смей так говорить. Я хотела сказать – негодяя.

– Ну да, – возмутилась Женька, – может, ты мне прикажешь его ещё и папочкой назвать?

Старая дама ничего не ответила и, успокоившись, сказала:

– Хорошо, пусть будет по-твоему, но после окончания училища, ты пойдёшь в институт.

По правде сказать, Женьке так не хотелось долго учиться, что она сознательно сделала свой выбор, но, чтобы не обидеть бабушку, она схитрила, согласившись на этот компромиссный вариант...

Сергей и Женька

Сегодня был её двадцать пятый день рождения. Прошло уже более десяти лет с того самого, *последнего*, дня рождения, когда не стало мамы. С тех пор для неё не существовало больше этих праздников, она просто вычеркнула их из своей жизни.

Каждый год в этот день Женька ездила на кладбище. Сначала они это делали вдвоём с бабушкой, потом, когда бабушки не стало, она приезжала сюда одна. И ничто не могло помешать этому, никакие важные и неважные дела.

Женька, как обычно, купила букет белых ромашек, которые так любила мама, и направилась к кладбищу. Кладбищенские ворота были закрыты, а посетителям для прохода оставили небольшую калитку. Входя в неё, Женька засмотрелась на дорогую и красивую машину – «Мерседес», которая стояла невдалеке. Вдруг она почувствовала, как кто-то толкнул её и ромашки посыпались из рук на землю.

– Ой, простите, – раздался приятный мужской голос, – я задумался и не заметил вас.

– Ничего-ничего, я подниму, – ответила Женька и наклонилась за цветами.

Незнакомец тут же стал помогать ей.

– Ещё раз, ради Бога, простите, это моя вина, – вновь стал извиняться он.

Женька взглянула на него и... обомлела. Таких красивых мужчин она в своей жизни ещё не встречала. Нет, конечно, ей попадались красавчики, но всё это было не то. От этого же исходила настоящая мужественная сила, которая притягивала как магнит, и Женька сразу почувствовала себя слабой и незащищенной. К тому же незнакомец был широкоплеч и высок. Не мужчина, а мечта жизни.

Он виновато улыбнулся, подал ей ромашки и предложил:

– Цветы помялись, давайте я куплю вам новые.

– Ещё чего! – фыркнула Женька и... к своему собственному удивлению, пустилась от него бегом.

– Девушка, постойте, я...

Но Женька, не останавливаясь, мчалась на всех парах. Потом она украдкой оглянулась: незнакомец стоял и смотрел ей вслед.

– Сергей Владимирович, что-то случилось? – спросил подошедший Юра.

– Нет-нет, ничего страшного, Юра, – рассеянно ответил Сергей.

Ему так не хотелось, чтобы девушка уходила. Она была красавица, необыкновенная, как в сказке, с большими яркими зелеными глазами, а ещё... от неё удивительно веяло каким-то знакомым пряным ароматом. Сергей встряхнул головой, как бы отгоняя наваждение, и направился к машине.

– Сначала цветочки, а потом что? – ворчала себе под нос Женька.

Нет, довольно с неё богатеньких мужичков, сегодня не их день. Она сегодня «не работает», и всё, пусть её увольняют, ей плевать.

Только у маминой могилы она наконец-то отдышалась. Поставила цветы в баночку, протерла фотографию и, как обычно, присела на маленькую скамеечку.

– Представляешь, мама, что со мной сегодня произошло? Я встретила мужчину своей мечты и... убежала от него. Сама. Собственными ногами. По глупости лишила саму себя же счастья. Ну, не дура ли? Скажи ты мне.

Легкий ветерок пробежал по Женькиному лицу, она закрыла глаза, представив, что это мама ласкает её.

– Да знаю, знаю, мама, но, понимаешь, не сдержалась. Так надоели эти похотливые богатенькие «буратинки», если б ты знала... – Женька осеклась, подумав, что не стоит рассказы-

вать маме о своей работе, вернее, о своей второй «работе». Потому что на зарплату медсестры ноги протянешь. А так вон памятники на могилах матери и бабушки поставила.

Бабушку похоронили чуть дальше, рядом места не нашлось. Женьке показалось, что она зовет её.

– Сейчас приду, – ответила она, – не кричи. Вот только с мамой еще посижу.

Но Женька не торопилась. Она не спеша рассказывала маме, как жила всё это последнее время.

– Да, мы расстались с ним, если ты об этом, – Женька чертила пальцем по земле. – Мне неприятно вспоминать о нём, он оказался, как говорила бабушка, негодяем. Понимаешь, мама, форменным негодяем...

С Толиком их познакомила Вика. Красавец, студент престижного вуза. Он сразу понравился Женьке. К тому же Толик москвич, а значит, прописка не нужна. У неё был отвратительный наглядный пример: Таня, её подруга и коллега по старой работе, влюбилась в парня. Он напел ей про красивую любовь, обещал жениться, та, дуручка, возьми да и пропиши его в своей квартире, в которой они жили вместе с мамой. Она прописала, а он взял и не женился, так мало того, привёл девушку и сказал, что это его жена. Теперь Танька оббивает чиновничьи пороги, а сделать ничего не может. Так вот Толик ко всем его достоинствам в прописке не нуждался.

Женька думала, что вот он, её судьба, её единственный и неповторимый. Два года на него потратила, а всё впустую. Он, оказывается, её просто использовал. У него очень строгие родители, к тому же богатые. Однако они не запрещали сыну дружить с девушкой не из их круга, считая, пусть мальчик поучится жизни. Толику понравилась такая «учёба», и он однажды под предлогом «позаниматься с другом» попросил у Женьки ключи от её квартиры, пока та была на работе. Раз попросил, два, потом это вошло у него в привычку.

– Ой, Женька, – сочувственно сказала ей как-то Вика, – сдаётся мне, что он у тебя на квартире вовсе не бухучёт изучает, а «Камасутру».

Женька не поверила, пока сама не убедилась...

– Представляешь, мама, – продолжала рассказывать она, – я как-то прихожу, а он с девкой кувыркается.

– Да-да, именно так, – она захихикала и добавила: – Если б ты видела, какой был пилотаж высокого класса с лестницы. Ничего, не грубо, успокойся мама, так ему и надо. Ну и что же, что я осталась опять одна. Лучше одной, чем с таким козлом. Теперь? Теперь у меня никого нет. Знаешь, ни капельки не жаль, наоборот, как выгнала его, сразу полегчало. Он с извинениями приходил. Думал, что я уши развешу и начну лапшу снимать. Но меня не проведёшь, я-то уж насмотрелась на них, красавчиков. Да и сегодняшний ничем не лучше остальных, разве что поинтересней будет.

Поговорив с мамой, она навестила бабушку. Той пришлось рассказывать всё с самого начала, потому что бабушка тоже потребовала «хлеба и зрелищ»...

Однажды с Женькой на кладбище пришла Вика. Она очень удивилась, услышав, как та разговаривает с умершими родственниками.

– Женька, а ты случайно не того? – Вика покрутила пальцем у виска, тревожно заглядывая подруге в глаза.

– Не того, – успокоила её Женька, – понимаешь, я слышу их голоса.

Вика испуганно открыла рот и, покосившись на могилу Женькиной матери, отскочила как можно дальше.

– Ну, – поспешила ответить Женька, – или мне кажется, что я слышу.

– А-а-а, – протянула Вика, – тогда ничего страшного.

– Ты думала, что попала в мир фильма «Мертвецы оживают»? – с горькой усмешкой спросила Женька. – Нет, моя дорогая, так не бывает, – потом вздохнула и добавила: – К сожалению. Ты не представляешь, я бы, наверное, всю свою жизнь до единой капельки отдала, чтобы ещё раз прижаться к маме...

Женька засмеялась, вспомнив этот разговор. А ведь, действительно, если бы кто-нибудь её услышал, подумал бы, что она сумасшедшая. Ну и пусть. Пусть сумасшедшая, зато ей так легче. Да к тому же сегодня ей позволено всё: у неё день рождения, и она празднует его в кругу своей семьи, как когда-то.

Женька провела на кладбище целый день. А куда ей было торопиться? Дома ведь всё равно никто не ждал. Она, конечно, подумывала о том, чтобы завести собаку или кошку, но потом всё же отказалась от этой идеи: они очень быстро окочурятся с её ненормированным рабочим днем и, так называемой, «подработкой». Хотя настоящей работой для неё являлась та, за которую ей платили хорошие деньги, а работа медсестры – это так, хобби. Но о той, второй работе, никто не знал, даже Вика...

В салон под названием «Лотос» Женька попала совершенно случайно. Однажды после работы она зашла в супермаркет. Набрав необходимых продуктов, Женька направилась к кассе. И тут, растолкав всех, вперёд без очереди влезла дама. От неё обалденно пахло дорогими духами, да и сама она была одета в вещи явно не с Черкизовского рынка. Конечно, такая разве будет стоять в очереди?

– Скорее, – торопила дама кассиришу, – что вы, как черепаха, я очень тороплюсь.

– Вот ещё, – проворчала недовольная женщина, которая стояла за Женькой, – мало того, что вперёд влезла, так еще и оскорбляет.

– Замолчи, дура, – огрызнулась та.

Очередь возмутилась, но дама, наконец рассчитавшись с кассиром, поспешила к выходу. Однако по какой-то роковой случайности автоматические стеклянные двери заклинило, и женщина со всего размаху врезалась в стекло. Она упала плашмя и осталась без движения.

– Так ей и надо! – заликовала очередь.

– Как вы можете! – воскликнула Женька и поспешила к женщине.

У настоящего медика в сумочке, кроме стандартного дамского набора, всегда найдётся всё самое необходимое. Женькане была исключением из правила. Она быстро привела даму в чувство. Когда та села, шмыгая разбитым носом, Женька ласково спросила:

– Вам уже лучше, милая дама? Вы можете идти?

Женщина внимательно и, как показалось Женьке, оценивающе посмотрела на неё и, ничего не ответив, начала подниматься.

– Я помогу, – тут же подскочил резвый охранник.

Он поднял женщину и повел её на стоянку.

Женька, забрав покупки, тоже вышла из магазина и направилась домой.

– Девушка, подождите! – вдруг окликнули её сзади.

Женька оглянулась и увидела ту самую даму из магазина. Она сидела в роскошной машине и призывно махала ей рукой:

– Подождите, мне надо с вами поговорить.

Шофер услужливо приоткрыл дверцу, и девушка послушно юркнула в салон.

– Маргарита Генриховна, – представилась дама.

– Женя, Евгения.

Дама снисходительно улыбнулась и ответила:

– Прекрасное имя, Женечка. Вот и познакомились. Теперь о деле. Я хочу предложить вам работу.

– Интересно, – отозвалась Женька, – и какую же?

Маргарита Генриховна загадочно улыбнулась и сказала:

– Насколько я поняла, работа у вас уже есть. Вы работаете... – она задумалась на пару секунд, – медсестрой или фельдшером.

Женька утвердительно кивнула и с любопытством уставилась на собеседницу.

– Я хочу предложить вам работу в своей фирме. У нас есть клуб, заметьте, один из самых престижных в городе, ресторан, сауна, салон красоты, ну... – она замаялась, – и так далее. Мои девочки очень довольны, я щедро плачу им за услуги.

Женька от такого предложения оробела. Наверное, в этом престижном салоне работают только квалифицированные специалисты, а она что, простая медсестра.

– У нас есть всё: мы оплачиваем больничные, отпуска, – продолжала увещевать Женьку Маргарита Генриховна.

– Я, пожалуй, приму ваше предложение, но... – заколебалась девушка.

– Конечно-конечно, – улыбнулась дама, – подумайте, посоветуйтесь с семьей. Вот моя визитка. Позвоните мне, как только будете готовы.

Женька поблагодарила Маргариту Генриховну и вышла из машины. На визитке значилось, что она, Маргарита Генриховна, является совладелицей комплекса «Лотос». В комплекс входили и клуб, и салон красоты «Лотос», и еще масса всяких вещей. У Женьки закружилась голова от свалившейся на неё удачи. Уж, наверное, здесь будут платить намного больше, чем в больнице. И она, окрыленная, поспешила домой с твёрдым убеждением завтра же с утра позвонить Маргарите Генриховне.

Рассчитавшись с работы, Женька пришла в агентство, которое как раз и подбирало кадры для работы в своем комплексе. Маргарита Генриховна определила девушку в массажный салон под тем же названием, что и салон красоты – «Лотос».

– Но я не специалист по массажу, – честно призналась Женька, на что хозяйка ответила:

– Вот как раз и поучишься. Не робей, мы даже сертификаты об образовании выдаем.

Месяца три Женька овладевала мастерством массажа. Затем, получив корочку, Маргарита определила её на полную ставку. Но оказалось: зарплата у массажистки в салоне «Лотос» была не намного больше её прежней.

– Вот это да! – возмутилась Женька. – Это что же получается? От чего ушла, к тому и пришла?

Но такого просто не могло быть. Она же собственными глазами видела, на каких машинах разъезжали массажистки и в каких квартирах жили.

– Со временем ты всё узнаешь, – утешила Женьку её новая подруга Ляля, высокая красивая полногрудая девица с коротко стриженными белыми волосами.

– Но, Лялька, разве на такую зарплату ты можешь себе позволить то, что имеешь? – искренне удивилась Женька.

– Ну, хорошо, – зашептала Ляля, наклонившись как можно ближе к ней. – Мне не велено пока ничего говорить, но я всё же скажу тебе.

– О чём это вы тут шепчетесь? – подскочила к ним Верка, вульгарно накрашенная ярко-жгучая брюнетка с довольно толстыми ногами и с сильными мускулистыми руками.

– Да так, ни о чём, – отмахнулась от неё Ляля, тут же отстранившись от Женьки. Но лишь только Верка отвернулась, быстро шепнула: – После работы встречаемся у меня, но сначала разбежимся.

Женька молча кивнула в знак согласия. Она поняла, что при Верке не стоит вообще говорить на подобные темы.

После работы они с Лялей сделали вид, что расстаются, а потом разными путями добрались до её квартиры и заперлись, хихикая от радости, что так легко всех провели.

То, что рассказала Ляля Женьке, повергло её сначала в шок, потом в ужас.

– Я не смогу, я так просто не смогу, – шептала потрясённая Женька.

– Я тоже так сначала говорила, а потом... – она махнула рукой, – а потом поняла, что с меня не убудет, а жить-то как-то надо. Зато теперь живу как белый человек.

– Но как ты можешь так спокойно об этом говорить? – Женька поморщилась.

Ляля усмехнулась:

– Могу, как видишь. Да не дрейфь, Женька, не ты первая, не ты последняя, а так хоть денег поднакопишь и поживёшь в свое удовольствие. К этому надо относиться как к работе, тогда легче.

– Ну да, – согласилась Женька, – философски.

– Если хочешь, то так. Думаешь, я сразу ко всему привыкла? Днём работаешь как проклятая в салоне «Лотос», а вечером в публичном доме «Орхидея». После «Орхидеи» сначала приходила домой и часами под душем отмывалась от этой грязи, а потом ничего, привыкла. Марго щедро нам платит за эти услуги, но зато на основной работе – нет. Специально вынуждает. Ты, думаешь, что я квартиру обставила за свои денежки? Нет. Это фирма оплатила. Марго знает, что делает, стерва. Сначала лакомый кусочек подсунет, а потом, когда привыкнешь к хорошему, зажимать начинает. Вот волей-неволей и соглашаешься на её условия. Зато не обижает, грешить не буду.

– Куда уж больше... грешить, – задумчиво произнесла Женька, – и так по уши.

– Да ладно тебе, Женька, это сначала только трудно, а потом как по маслу. Я помогу тебе. Меня тоже одна китаянка обучила. Я, можно сказать, спасла её, приютила. Вот она в благодарность и поделилась бабьими секретами.

– Что за секреты? – поинтересовалась Женька.

– А вот какие, – ответила Ляля, – как сделать, чтобы клиент, особенно богатый, только тебя хотел и больше никого. Богатые, они те же мужики, а все мужики – козлы.

– Ну-у, – протянула Женька, – эта банальная истина стара как мир.

И девушки дружно засмеялись.

Женька долго прокручивала в голове разговор с Лялей. Стать игрушкой в руках мужчины, средством удовлетворения их потребностей? Переступить через себя? Да, жизнь заставляет. Что делать, если ты одна на всём белом свете, а помощи ждать неоткуда?

Маргарита Генриховна очень хорошо относилась к Женьке, она никак не могла решиться на откровенный разговор с ней. Вызвав как-то к себе Лялю, хозяйка попросила её поговорить с Женькой.

– Хорошо, я поговорю, – согласилась Ляля.

– Только смотри, поделикатнее, а то нам лишние разговоры ни к чему, ещё родителям нажалуются.

– У неё нет никого, – ответила Ляля, – сирота она.

Маргарита Генриховна обрадовалась:

– Сирота, говоришь, так это же здорово, – она была уверена в том, что Ляля подготовит Женьку к работе.

Да-а, эта женищина умела находить себе кадры. Во-первых, Женька была очень привлекательной девушкой с хорошей фигурой фотомодели. Нет, она была чертовски красива, с изюминкой, такой тутси – милашкой, именно такие и нравятся мужчинам, к тому же она была умна; во-вторых, сирота, что тоже немаловажно, значит, нуждалась в деньгах; в-третьих, как медсестра могла себя обезопасить, а с этим у них было строго, поэтому и толпились сутки напролёт клиенты. Что ни говори, а у Маргариты Генриховны был надёжный бизнес, она крепко стояла на ногах. «Всё преходящее, а любовь, пусть даже и продажная,

вечна», – думала она. Кроме того, агентство имело своих высоких покровителей, поэтому Маргарита ничего и никого не боялась. Она с лёгкостью водила дружбу как с «джентльменами удачи», так и с представителями государственного аппарата. Маргарита принимала на работу понравившихся ей девушек, но для «бизнеса любви», как она говорила, всегда вёлся тщательный отбор. И хотя она знала, что все её проблемы, если они возникнут, будут тут же решены, всё же ей не хотелось возиться с мелкими неприятностями. Маргарита для своего «бизнеса любви» вербовала только самых-самых. Во всяком случае, вот уже несколько лет жалоб от клиентов не было. Да и девушки были довольны.

– Эта Женька ещё даст фору многим, – сказала она Веронике, своей компаньонке и подруге.

– Ты уверена в ней? – спросила Вероника.

– На все сто, – кивнула в ответ Маргарита...

Вот уже несколько лет, как они с Вероникой владели «Лотосом». Сложив свои деньги, которые им дал на раскрутку чадолюбивый папаша Вероники, успешно строивший элитные дома, а также Риткин муж, к тому времени удачно скончавшийся, они тут же принялись за дело.

Сначала это был просто салон красоты, в котором они работали наравне со всеми: Ритка администратором, а Вероника, получившая в медицинском институте дефицитную специальность, – косметологом; затем появился женский клуб, членами которого являлись их подруги; а потом постепенно деятельность «Лотоса» расширилась. Теперь это был целый комплекс. Но мало кто знал обратную сторону медали – «Орхидею», только избранные, кого попало туда не допускали, клиентура была проверенная, своя и небедная. На мелочи Маргарита и Вероника не разменивались. И закрутилось, и понеслось...

С самого начала Ритке не повезло. Её папочка, тот самый, из руководящего аппарата при Генсеке, так не вовремя попал в аварию и погиб. Старший брат, подсевший на героин, задолжал кое-кому крупную сумму денег и вынес из квартиры всё, до последней мелочи. Они с матерью остались совершенно нищими. Надо было что-то делать, как-то жить. В стране воевала перестройка.

И тогда предприимчивая студентка престижного вуза решила во что бы то ни стало обеспечить себе шикарную жизнь, к которой она привыкла и которой так нелепо лишилась. «Этот старый идиот, – думала она об отце, – не позаботился обо мне. Ну почему он оформил нашу дачу на этого дебила, моего брата?»

Но ничего уже было не поправить, приходилось самой добывать себе место под солнцем. Она облюбовала одного пожилого профессора, такового сумасшедшего ученого – физика, который за свои открытия получал различные премии и жил на широкую ногу. К тому же у него был один большой плюс – большое сердце. Значит, можно было надеяться на то, что в скором времени останешься вдовой. В то, что он попадётся на её крючок, Ритка нисколько не сомневалась. Она слишком хорошо знала себе цену: среднего роста девица с красивой грудью, как говорится, в меру упитанная, к тому же блондинка, хоть и крашеная.

Однажды, «провалив» официальный зачёт, она напросилась к нему домой. К встрече с профессором готовилась очень тщательно. Подобрала себе вульгарное платье с огромным декольте, из которого буквально вываливалась её пышная грудь, чулки – сеточки и высокие каблочки, чтобы казаться стройнее. Профессор в свои семьдесят ещё заглядывался на молодых студенточек, и даже ходили слухи о том... впрочем, она старалась не придавать слухам никакого значения.

Он обитал один в престижном старом доме в огромной пятикомнатной квартире. Говорили, что у него была дочь, но жила она где-то за границей. «Прекрасно, – подумала Ритка, –

наш старикашка, можно считать, круглый сирота». Напустив на себя вид школьницы – недоτροги, она смело нажала на кнопку звонка.

– Можно? – робко спросила она, как только ей открыли дверь.

Пожилая женщина в халате и в фартуке, недовольно оглядев её, сказала:

– Проходи, Семён Степанович в кабинете, – и, повернувшись к Ритке спиной, пошла по коридору, зычно крикнув:

– Семён Степанович, к вам!

– Да, да, проходите, – ответил знакомый профессорский голос.

Ритка прошла через всю квартиру, по пути оценивая осмотрев её, так как вскоре ей здесь предстояло жить. Квартира Ритке понравилась, а особенно то, что в ней стояло, лежало и висело. Кроме того, здесь был даже камин, который придавал квартире особую привлекательность. Она, удовлетворенно улыбувшись, нацепила на своё личико невинное выражение, сделала губки «бантиком» и зашла в кабинет.

– Семён Степанович, спасите меня, только вы один можете, – пропела Ритка и театрально прижала руки к груди, слегка всколыхнув её, так что глазки профессора приклеились к её бюсту намертво и уже не отрывались от него.

Он часто-часто задыхался и что-то промямлил в ответ. Семён Степанович для своих лет выглядел очень молодо, а сосны он казался скорее юношей, нежели стариком. Студентки так и прозвали его – Живчиком.

– Проходите, прошу вас, – почти простонал профессор, приглашая Ритку подойти к столу.

«Прекрасно, – подумала она, – кажется, клиент созрел». Потом, как бы невзначай уронив тетрадку и учебник, наклонилась, чтобы поднять их, не забыв при этом выставить перед профессором теперь уже свой «нижний бюст».

То, что произошло дальше, она никак не могла предугадать. Живчик, прытко задрав ей подол, овладел ею тут же, у стола. «Однако, – подумала Ритка, – а он ещё ничего, резвенький».

Безусловно, зачёт она сдала в тот же день, без промедления. Но конечной-то целью был вовсе не этот дурацкий зачёт. Ритка, позволив профессору наиграться собой, добилась того, чтобы он сам, конечно, без всякого давления с её стороны, пригласил её на следующее свидание.

– Я с нетерпением буду ждать завтрашнего вечера, – сказал он, провожая её.

– Я тоже, – мяукнула Ритка в ответ.

После столь успешной встречи с профессором Ритка поехала не домой, а к своей подруге, чтобы поделиться с ней радостной новостью. Та была в печали: её любимый уезжал служить в другую страну, в которой шла война.

– Да брось ты, Ника, – успокаивала Ритка Веронику, – вернётся он. Пойми, дура, у тебя теперь такие возможности открываются.

– Не нужны мне никакие возможности, а только он, – печально проговорила Вероника и добавила: – Уж тебе ли не знать, как я его добивалась.

– Да, я помню, – согласилась Ритка и испуганно спросила: – Неужели ты собираешься хранить ему верность?

– Что я, дура круглая? – ответила подруга. – Одно другому не мешает.

– А если он узнает? – спросила Ритка.

– Не узнает, – заверила её Вероника и тихо добавила: – Если ты не скажешь.

– Я? – Ритка даже обиделась. – Зачем? Мне с тобой ссориться ни к чему.

«Вот идиотка, – думала Ритка о подруге, возвращаясь домой, – всё по своему Серёженьке сохнет, а может быть, и счастливая, не то, что я. Мне же и сохнуть не по кому, разве что по профессору». Она улыбнулась, вспомнив о нём: всё-таки день прошёл не зря.

На следующий день она летела к своему профессору как на крыльях. На этот раз он был в квартире совершенно один. Тетка в халате куда-то испарилась. Живчик без промедления

потацил Ритку в постель. Он даже не дал ей возможности раздеться и, порвав от нетерпения её выходное платье, то самое – с декольте, жадно набросился на неё.

«Неужели меня жестоко обманули, – думала она, еле дыша от натиска профессора, – и у него вовсе не больное сердце? Разве может человек с больным сердцем быть таким прытким? Однако он ещё ничего, о-го-го, на коне, так сказать». А тот, как бы желая доказать ей, что он и в самом деле ещё способен на многое, не выпускал Ритку из постели сутки. Но и Ритка была не проста, она нарочно распаляла его и поощряла к этому.

– О! – стонал профессор. – О! Богиня!

Наградой за этот «марафон» стала запись в её паспорте, что она теперь не Ритка Белкина, а Маргарита Генриховна Лазаревская. Наконец-то она добилась своей цели, обеспечив себе хорошую жизнь, как бывало прежде. Она поступила правильно, сделав ставку на профессора. Он был не просто талантливым ученым, но ещё и востребованным. Ритка, успешно окончив институт, абсолютно не вдавалась в подробности, откуда у них такая прорва денег. Их брак, конечно, вызвал резонанс в обществе. Но Ритку это обстоятельство мало волновало.

Денег у неё теперь было много, благодаря мужу, который был очень щедр к своей молодой жене.

– Бери, бери, Маргоша, не стесняйся, – ласково говорил муженёк, протягивая ей пачку купюр. – Я хочу, чтобы моя жена сегодня блистала.

И Ритка блистала на различных презентациях, суаре, деловых встречах, на которые он всегда таскал её за собой. Вскоре Ритке прискучило их столь тесное времяпровождение, ей хотелось поскорее остаться одной. Профессор стал её раздражать.

– Не пойму я что-то, – как-то сказала она Веронике, – он собирается когда-нибудь коньки отбросить или нет?

– Чего тебе не хватает? – удивилась Вероника. – Твоя голубая мечта сбылась: ты снова богата, да и Семён твой ещё на коне.

– Всадник херов, – выругалась Ритка и со злостью раздавила окурок в пепельнице. – Моя голубая мечта: как можно скорее остаться вдовой, богатой и молодой.

– Ха-ха-ха, – засмеялась Вероника. – Что-то в последнее время я тебя не узнаю. Хандришь, подружка. Так от хандры мы лекарство найдём. Есть у меня на примете молодой и красивый сокурсник: парень – пальчики оближешь.

– Спасибо, – отозвалась Ритка, – пальчики мне и без того чуть ли не каждый день лизжут. Да и ревнивый мой Живчик – жуть. К тебе даже не отпускает.

– А как же ты пришла тогда? Через окно сиганула?

– Я что? Ненормальная? – ответила Ритка. – Просто сбежала.

Вероника покачала головой:

– Да, подружка, видно, дела у тебя совсем плохи. Тогда давай вот как сделаем. Организуем ему сердечный приступ.

– Да нет, что ты, – испугалась Ритка, – а если догадаются?

– Не догадаются, – уверила её Вероника. У нас ребята ещё и не такое умеют, конечно, за деньги.

– Нет-нет, рано ещё, – сказала Ритка, – сначала «бабки». Он недавно мне хвастался, что скоро ему большой кусок обломится, так вот я всё хочу оформить по закону.

– Хорошо, как знаешь, когда соберёшься расстаться с ним, только свисти. А пока времени зря не теряй, расспроси у него, откуда он, Кощей Бессмертный, силы берёт, – посоветовала Вероника.

– Спасибо за совет, – поблагодарила подругу Ритка.

– Удачи тебе, Василиса Прекрасная.

Ритка в задумчивости ехала домой, как вдруг услышала:

– Ритуля, прелесть моя, неужели это ты? – высунувшись наполовину из окна «Жигуленка», приветствовал её Сашика Гаврилов, бывший одноклассник.

Она почему-то обрадовалась столь неожиданному появлению Гаврилы, как называли его ещё в школе.

– Запрыгивай, – предложил Сашика, и Ритка, сама не зная почему, послушалась его.

Гаврилов тут же рванул с места. Он привез её в незнакомый ресторан, расположенный на другом конце города. «А, гулять, так гулять, – подумала Ритка, – что-нибудь придумаю для муженька».

Сашика в этом ресторане был как свой. К ним тут же подскочил официант, и вскоре их обслужили по первому разряду.

– Однако, – сказала Ритка, – миленькое местечко. Твоё?

Сашика улыбнулся в усы, которые успел отпустить за эти годы, и ответил:

– Можно считать, что так, – потом, с неподдельным интересом посмотрев на неё, спросил: – Как живёшь, Ритуля?

И Ритку прорвало. Она выложила Сашике всё, что у неё накопилось на душе за эти годы. Он слушал молча, ни разу не прервал её, только всё время посмеивался в усы и качал головой.

– Твоё дело поправимо, – сказал Сашика и предложил Ритке свою помощь: – Можно сделать так, что твой муженек будет идти домой и, например, неправильно перейдёт улицу. Или хулиганы пристанут и отобьют ему все печёнки.

– Что ты, что ты! – Ритка даже испугалась, а потом, немного подумав, добавила: – А хотя...

– Ты ничем не рискуешь, – Сашика замялся, – правда, нужно будет заплатить.

Ритка махнула рукой:

– Насчёт этого можешь не волноваться. Деньги на такое дело я найду. Но, знаешь ли, мне хочется, чтобы он окочился естественным образом. Пожалуй, я все же попробую пока сама довести его до сердечного приступа, ну, а уж если ничего не выйдет, то... У меня есть ещё одно предложение – от Вероники.

– Как она? – оживился Сашика. – Я слышал, замуж выходит.

– Выходит, за Сергея, – ответила Ритка.

– Хм, – хмыкнул Сашика и спросил: – Пацаны базарили, он воевал, там был?

– Да, был и пришёл оттуда сам не свой.

Сашика понимающе кивнул.

– Ну, а ты, как живёшь? Женился? Или Веронику всё никак забыть не можешь? – поинтересовалась Ритка.

– Уже развёлся, – сообщил Сашика и добавил: – Живу один, всеми покинутый и одинокий, в двухкомнатной квартире.

– Что я слышу? – притворно удивилась Ритка: – Наш Гаврила жалуется на судьбу?

Он засмеялся и ответил:

– Конечно же, нет. Я живу просто прекрасно и вовсе не жалею о недостатке баб в моей жизни.

– Ну вот, – сказала Ритка, – узнаю прежнего Гаврилу, а то я уж было испугалась.

– Поехали ко мне, – вдруг предложил он, – я покажу тебе, где живу.

Она, посмотрев на него, вдруг поняла, что последует за этим приглашением, и... согласилась. Во-первых, потому, что Сашика ей всегда нравился, но так как он был из простой рабочей семьи, то, естественно, в круг избранных не входил, а во-вторых... Во-вторых, ей вдруг до одури захотелось насладиться таким жарким, молодым мужским телом, потому что дотошноты надоело разглаживать старческие морщины, ублажая мужское достоинство профессора...

– Уже одиннадцать, темно как, – проговорила Ритка и выскользнула из Сашиных объятий.

– Ритуля, – простонал он, – ну, останься, с тобой так хорошо.

– Мне тоже, – ответила она и, наклонившись, поцеловала его в живот.

Сашка зарычал и, схватив её в охапку, снова повалил на кровать.

Но Ритка решила, что на сегодня с него достаточно. Вредно баловать мужчину «клубничкой» столь часто, а то он пресытится и найдет ей замену, а Ритке вовсе не хотелось, чтобы их отношения с Сашкой закончились столь же быстро, как и начались. Она, возбужденная его поцелуями и прикосновениями, всё-таки сумела побороть желание и, выбравшись из-под него, стала одеваться:

– Мне и в самом деле пора, Гаврила.

Сашка со злостью сел на кровати:

– Я готов сам убить твоего старикашку, лишь бы ты осталась.

– Милый, – проворковала Ритка, – куда ты так торопишься? У нас всё впереди.

– Завтра, – с нетерпением произнёс Сашка, – я хочу увидеться с тобой завтра.

Ритка пожала плечами и сказала:

– Завтра как раз не могу, у нас важная встреча.

– Хорошо, – согласился он, – когда?

– Я позвоню тебе, – ответила Ритка...

Дома её встретили громом и молнией:

– Где ты была?

– У подруги, – не моргнув глазом соврала Ритка.

– Я звонил! – истерично визжал профессор. – Я звонил полчаса назад. Она сказала, что ты уже уехала.

– Ну, да, – ответила она невозмутимо, – я поехала домой.

Он схватился за сердце, она тут же услужливо подскочила к нему:

– Что, сердце? Сядь, милый, сядь, я принесу воды.

Муж вытащил из кармана домашних брюк пузырёк с какими-то таблетками, трясущимися руками отправил одну в рот, а потом стал жадными глотками пить воду. Ритка молча стояла и радовалась: «Вот оно, началось. Дорогой, я думаю, ты справишься сам, и тебе не нужно будет устраивать катастрофу».

– Где ты была? – мрачно спросил профессор, но уже более спокойно.

– Мой самолёт долго не мог приземлиться в нашем дворе из-за погодных условий, – связывала она и, состроив недовольную гримасу, обиженно добавила: – Сколько раз, пупсик, я просила тебя купить мне машину, ты же знаешь, как ходит наш городской транспорт.

Она тесно прижалась к профессору своей пышной грудью и часто-часто задыхалась, так что он тут же оттаял и миролюбиво предложил:

– Завтра, милая, ты получишь машину завтра же, я обещаю, а сегодня пойдём в постельку, а то твой пупсик очень соскучился по своей куколке.

Ритка в ответ кисло улыбнулась и послушно поплелась в спальню...

Действительно, на следующий день к обеду она стала обладательницей темно-зеленой «девятки». Ритка прыгала от счастья: теперь она сможет делать всё, что захочет, обманывать его как угодно, наслаждаясь жизнью с молодыми любовниками. В общем, вместе с машиной она получила относительную свободу действий. Главное, приехать домой вовремя. Профессор радовался за жену, вовсе не догадываясь, какие мысли на самом деле витали в её очаровательной головке.

Ночью, достойно «отблагодарив» любящего мужа, она, нежно поглаживая его по плечу, выпытывала секрет его «кощеевой» молодости. Всё же варианты, предложенные Вероникой и

Сашикой, казались ей чересчур кровожадными, но она совсем уж не отбрасывала их, а просто отказалась от них... на время.

– Скажи, пупсик, как тебе удаётся быть на коне? Я просто в восторге от тебя.

Профессор, умасленный её страстными поцелуями и объятьями, потерял самообладание и признался:

– Ладно, открою тебе секрет моей вечной молодости, ты, я вижу, и в самом деле меня любишь.

Ритка тут же прижалась к нему ещё теснее и про мяу кала:

– Ты разве сомневаешься во мне?

Он удовлетворенно засмеялся и продолжил:

– Есть у меня хороший друг, химик. Талантливый, но здесь не востребованный, так что ему пришлось уехать. Так вот там ему дали денег, помогли открыть лабораторию, только работай. Он изобрёл лекарство, которое и позволяет нам, уже немолодым мужчинам, почувствовать «вторую молодость». Однако пока идет клиническое испытание, его нет в широкой продаже, а у меня есть. В последний раз, когда я ездил на симпозиум, он подарил мне пузырёк. Знаешь, мне даже с сердцем легче становится, когда я принимаю его. А мой друг, благодаря своему лекарству, как и я, женился на молодой и сделал ей двоих детишек, – профессор захихикал, а Ритка с ужасом подумала: «Этого мне ещё только не хватало». Сама же вслух сказала совершенно другое:

– Пупсик, я тоже хочу попробовать этого лекарства.

На что муж ответил:

– Нельзя, оно создано только для мужчин.

– Ну, откуда ты знаешь? – стала умолять его Ритка. – Может, оно на меня так подействует, что ты через девять месяцев станешь папой?

Профессор подскочил на кровати, повернулся к ней и спросил:

– Ты и вправду этого хочешь?

– Конечно, очень хочу, – соврала Ритка.

– О, дорогая, – сказал муж, обнял её и добавил: – Хорошо, пожалуй, возьми одну таблеточку, там, в кармане моих брюк.

– Так ты это лекарство всё время принимаешь? – догадалась Ритка. Профессор кивнул в ответ и строго повторил:

– Только одну, а то вдруг будет какой-нибудь нежелательный для нас побочный эффект.

Счастливая Ритка вскочила с постели и сделала вид, что приняла лекарство. Сама же, подумав, что она и так достаточно темпераментна, спрятала таблетку, чтобы отнести Веронике.

Но одна мысль всё-таки засела у неё в голове. Ритка вспомнила, как совсем недавно её муж сетовал на то, что его молодая жена так и не может забеременеть. А раз в этом браке у него детей не предвидится, он отпишет всё свое состояние дочери и внуку. Так Ритка с удивлением узнала, что у профессора есть не только дочь, но и внук.

«Нет, дорогой, я уж своего не упущу», – подумала она и решила притвориться беременной, таблетки «молодости» оказались весьма кстати. Буквально через неделю она сообщила обалдевшему от счастья мужу, что наконец «свершилось» чудо. А чтобы не быть голословной, она представила доказательство: результат обследования. Только муж так и не узнал, что этот «липовый» результат за определённую плату дала ей подруга мамы, их семейный врач – гинеколог. Конечно же, профессор тут же потащил Ритку к нотариусу и переоформил завещание на неё. Взглянув на объём своего наследства, она чуть не лишилась дара речи: муж оказался намного богаче, чем она предполагала. Всё, теперь можно было действовать.

Она приехала за советом к Веронике.

– Говоришь, лекарство помогает ему держаться в седле? – спросила та.

– Вот оно, – сказала Ритка, протягивая ей таблетку, – посоветуй, как сделать, чтобы он ничего не заподозрил?

Вероника успокоила свою подругу:

– Подмени таблетки на более безобидные.

– А вдруг он поймет? – с тревогой спросила Ритка.

Вероника попробовала лекарство на вкус:

– Совсем безвкусная, как мел. Вот что, возьми простой кальций и насыпь вместо этих.

– И все? – удивилась Ритка. – Так просто?

– Да, – ответила Вероника, – так просто.

Окрыленная Ритка поехала к Гавриле. После того первого вечера они уже несколько раз встречались, и Сашка даже подарил Ритке ключ от квартиры. Она приходила к нему, звонила по телефонному номеру, который он ей дал, и любовник тут же приезжал. Но в этот раз телефон издавал лишь короткие гудки. Напрасно прождав своего любовника, Ритка не солоно хлебавши уехала домой.

Она сделала всё, как велела Вероника. Вместо привычного лекарства под названием «Вторая молодость» её пупсик получил самый обычный кальций. Ритка с волнением и страхом наблюдала, как муж принимал таблетку. Она ликовала: он не заметил подмены. Теперь оставалось только ждать и надеяться на лучшее.

Ритка стала замечать, что муженек всё чаще и чаще стал хвататься за сердце. Однажды, распалив его как обычно, она вдруг поняла, что с мужем что-то произошло. Она тут же соскочила и встревоженно спросила:

– Дорогой, таблеточку?

Профессор, судорожно хватая ртом воздух, что-то прохрипел ей в ответ.

– Что? Что? – не разобрала она и наклонилась поближе.

Видно было, что слова давались ему с трудом:

– В стене... под плиткой... оставляю ребенку... – он закатил глаза, сильно захрипел и вдруг замолчал. Ритка ни на шутку перепугалась и вызвала «Скорую», но было поздно: наконец-то её мечта сбылась. Она не могла поверить в счастье, внезапно свалившееся на неё.

– Слава Богу, – прошептала она над остывающим трупом мужа, – мне не пришлось прибегать к крайним мерам. Кальций так же безобиден, как стакан воды.

Она вовсе не чувствовала себя виноватой и даже пожалела профессора, уронив пару слезинок. С мокрыми от слез глазами впустила врачей, которые ещё раз подтвердили, что она теперь совершенно свободна.

– Ах, уж эти молодые жёны, – сказал довольно интересный врач средних лет и возде-ленно посмотрел на Ритку, стоявшую перед ним в прозрачном пеньюаре, сквозь который были видны все её прелести.

– Что с ним? – всхлинула она.

– Как это ни банально звучит, но вашего мужа убила любовь.

Ритка разревелась:

– Я... это... я во всём виновата, но он так хотел ребёнка...

– Успокойтесь, милочка, – медсестра, усадив Ритку на диван, сделала ей успокаивающий укол. – Так иногда бывает, когда муж намного старше своей жены. Вы не виноваты, и не надо себя упрекать. Эти старички забывают о том, что им уже не двадцать лет, а все сто двадцать.

– Но мой муж был не таким уж и старым.

– Вскрытие покажет, – ответила медсестра.

«Скорая» забрала тело профессора с собой, Ритке пришлось «умаслить» медиков, чтобы им было не так обидно, всё же не очень-то приятно, когда в твоё дежурство судьба выкидывает подобный фортель.

Как только дверь за врачами закрылась, она тут же, прямо ночью, позвонила Веронике и, рыдая в трубку от счастья, сообщила ей приятную новость.

– Что случилось? – спросил встревоженный Сергей.

– Ничего, спи, у Ритки муж умер, – ответила Вероника.

– Как умер? Он же ещё был крепким старикашкой. Всё ясно, я не удивлюсь, если Ритка приложила к этому массу усилий.

– Что ты несёшь? – возмутилась Вероника. – Она искренне любила Семёна Степановича. Сергей в ответ только хмыкнул.

«Отпраздновав» поминки, на которых Ритка сидела безутешная и убитая горем, она приехала домой и тут же принялась за поиски чего-то, о чём говорил перед смертью муж. Так как профессорская квартира находилась в старом доме, в ней сохранился камин, который, правда, лет тридцать не использовали, потому что был забит дымоход. Камин, скорее, играл роль интерьерного украшения и был обложен вокруг старой облицовочной плиткой. Несколько квадратиков плитки отличались от остальных: были такого же цвета, но без рисунка.

– Ага, начнем отсюда, – проговорила Ритка и безжалостно стала разбивать плитки одну за другой. Но в камине ничего не оказалось.

– Фу, черт, – выругалась она, – только зря плитку испортила. Стена... стена... Какая же это стена? И где?

Она как разъяренная тигрица металась по квартире, простукивая все стены. Ничего. Всё напрасно, никакого клада не было.

– Ты, старый козел, видно, посмеяться надо мной решил, – зло процедила она, глядя на фотографию мужа в траурной рамочке.

И в самом деле, Семен Степанович, ухмыляясь, смотрел на неё с фотографии. Ритка передёрнула плечами: от этого взгляда ей стало не по себе, и она, открыв чулан, «тёщицу» комнату, со злостью зашвырнула туда профессора. Чулан был завален старыми ненужными вещами, которые громоздились до самого потолка. «Надо бы здесь порядок навести, все выбросить, да сделать гардеробную», – подумала она, прикрывая дверь. И вдруг Ритку осенило: плитка! Как же она сразу не вспомнила, что почему-то одна из стен чулана была выложена старой каминной плиткой. От волнения, охватившего её, у неё даже руки затряслись, и Ритка, долго не раздумывая, принялась откидывать вещи от стены. Вот оно! Наконец-то! Она вновь с усердием стала простукивать каждую плиточку.

К её удивлению, одна из плиток при нажатии вывалилась, так что она едва успела поймать её, и там образовался тайник. Ритка засунула в него руку и вытащила свёрток. Она дрожащими от нетерпения руками развернула его и вскрикнула: перед ней лежали очень красивые, явно старинные драгоценности – потемневшее от времени серебряное кольцо с изумрудами и такие же серьги. А под ними... аккуратно сложенная, довольно толстая пачка зелёных купюр.

– Доллары, – догадалась она и пересчитала их.

Через несколько минут ошарашенная Ритка поняла, что она не просто вдова, а **очень** богатая вдова. И без этого свёртка по заветанию она становилась обеспеченной женщиной, но разве могла она подумать, что ей свалится на голову подобное богатство.

– Теперь я осуществляю свою мечту, – сказала она, празднуя своё удачное вдовство.

Изрядно накачавшись коньяком, она позвонила Сашке.

– Ну, давай же, Гаврила, возьми трубку, – страстно шептала она. – Неужели ты не чувствуешь, что я хочу тебя?

Она сгорала от желания лечь с молодым любовником теперь уже в свою постель и сутки напролет не вылезать из неё, предаваясь удовольствию. Но Сашкин телефон упорно молчал. Ритка догадывалась, что была не единственной женщиной в его жизни, но после того как Сашка познал её или, как она говорила Веронике, «вкусил», у него пропала всякая охота иметь кого-то ещё. Ритка владела маленькими женскими хитростями и хорошо знала, что, переспав с ней один раз, мужчины просили о встрече ещё и ещё. Сашка не являлся исключением. Она встревожилась, вспомнив, что уже несколько недель не была с ним, похороны, конечно, не в счёт. Для неё это не столь важный повод, чтобы из-за него можно было отложить любовное свидание. Ритка неоднократно ездила к нему на квартиру, но видно было, что хозяин здесь давно не появлялся.

Однажды, очередной раз бесполезно прождав его два часа, она собралась было ехать домой, как в дверь позвонили. Ритка подбежала к двери в надежде, что это Сашка, который звонит, потому что попросту забыл ключи. Но когда она открыла, вошёл совершенно незнакомый тип неприятной наружности. Исподлобья на неё смотрели колющие глаза, прожигающие насквозь. Ритка невольно содрогнулась и напряглась. Тип молча вошел, протянул ей свою огромную ручищу, украшенную наколками, и сказал:

– Гаврила именно такой тебя и описывал.

– Что с ним? – спросила обеспокоенная Ритка.

Он ухмыльнулся, обнажая кривые зубы, и успокоил:

– Не жди его так скоро, красотка. Он теперь отправится в места дальние, нехоженые.

– Как это случилось? – спросила она, догадавшись, о чём идет речь.

– Меньше будешь знать, лучше будешь спать.

– Ему нужен хороший адвокат, я могу помочь, – сказала Ритка.

Тип снова ухмыльнулся и спросил:

– Любишь его?

Ритка кивнула.

– Тогда дождешься. Повезло же салаге. Вот бы меня кто ждал.

Он засобирался уходить.

– Постойте, – сказала Ритка, сообразив, что это знакомство, возможно, принесёт свои плоды в будущем, – куда же вы? На ночь глядя? Оставайтесь. А вот деньги, вам на первое время хватит.

Удивлённый её милосердием и сочувствием бандит ответил:

– А ты не шутишь, красотка?

– Какие уж тут шутки, – ответила Ритка. – Оставайтесь, не бойтесь. Про эту квартиру знаю только я, Сашка прописан по другому адресу. Вас тут не побеспокоят, конечно, если примерно вести себя будете. Вот ключи.

– Ну, красавица, – бандит развёл руками, – я перед тобой в долгу.

– Ещё успеешь, – кинула она, стоя в дверях.

Так Ритка познакомилась с вором в законе, одним из главных авторитетов, который вскоре стал управлять городом. Авторитет не забыл той услуги, которую она ему оказала, и «Лотос» поэтому пережил многое и многих...

– Евгения, я хочу предложить тебе... – начала Маргарита, но Женька перебила её:

– Я согласна, Маргарита Генриховна, но у меня есть одно условие.

Маргарита с удивлением уставилась на девушку, которая, как она считала, пойдёт далеко, даже дальше, чем она сама и Вероника:

– Какое же?

Женька отчего-то закрыла глаза и тихо сказала:

– Я хочу делать... хочу, чтобы всё происходило в абсолютной темноте. Клиент не будет видеть меня, значит, на улице не узнает, а у меня, сами понимаете, желание лицезреть его и вовсе отсутствует. Я заранее буду находиться в комнате, где будет только кровать и плотные шторы на окнах, не беспокойтесь, клиент не сломает себе нос или ту часть своего тела, с помощью которой я буду зарабатывать деньги. И ещё: я буду делать это, когда захочу.

– Девочка моя! – воскликнула Маргарита. – А это будет что-то новенькое, нет-нет, это не просто что-то новенькое для «Орхидеи», это сенсация. Как это таинственно и романтично: прекрасная незнакомка и секс в абсолютной темноте. Работают только органы осязания, обоняния и слух. Ну, Евгения, вынуждена признать, что ты – наша находка.

Но Женька вовсе не разделяла радости своей патронессы, она коротко спросила:

– Сколько?

Маргарита назвала цифру, и девушка кивнула. Это было намного больше, чем получали остальные девочки.

– Заметь, – добавила хозяйка, – я приплатила тебе за идею. Когда ты приступишь?

Женька отвернулась и, глядя куда-то в сторону, ответила:

– Когда вам будет угодно.

– Значит, сегодня, – сказала Маргарита.

Женька вышла из кабинета хозяйки в большом волнении. Нельзя сказать, чтобы она была совсем неопытна в подобных делах, и всё же то, что было у неё раньше, совсем другое, даже Толик. А про свой первый сексуальный опыт Женька вспоминала неохотно, всегда краснея при этом...

Как-то на летних каникулах Вика пригласила её к родственникам в старинный русский городок на Урале. Валерка, двоюродный брат Светки и Вики, был младше Женьки на год. Он с первого дня заявил на эту зеленоглазую девчонку свои права, так что другие пацаны остались с носом. Валерка вёл себя так, как будто сто раз проделывал это с девчонками. Женька сама не понимала, как она могла согласиться. Свой самый первый раз она помнила смутно, она-то думала, что это будет романтично, как рассказывала Светка, но оказалось, что никакой романтики в этом нет, а есть лишь боль и какая-то неизъяснимая тоска. К тому же её партнер оказался столь же неопытен, как она сама, и у них всё закончилось очень быстро. А потом им обоим отчего-то было трудно смотреть друг другу в глаза, и Женька считала дни до отъезда. В памяти у неё остались неприятные воспоминания о случившемся, но время залечило раны: вскоре Женька и вовсе забыла о своём первом неудачном опыте...

Толик был совершенно другим, не похожим на Валерку. Он, в отличие от того мальчика, уже имел достаточный опыт в подобных делах. Его «донжуанский» список насчитывал с десяток девушек, о чём, конечно, его строгие родители даже не догадывались. И хотя Толик оказался не её принцем из сказки, она была благодарна ему за то, что он помог познать ей настоящую силу физической любви. Женьке было хорошо с этим мальчиком, но как только она узнала об измене, тут же без сожаления порвала с ним. Как ни старался этот «барчук», как окрестила его Женька, вернуть её, она дала ему настоящий отворот – поворот.

– Только зря время на него потратила, целых два года, – пожаловалась она подружке, а потом и маме на её могиле.

Но всё это было несерьёзно, как игра. То, что предложила ей Маргарита Генриховна, была сама жизнь. Причём настоящая, взрослая жизнь, которая не прощает ошибок и просчётов.

В большом волнении Женька входила в отведённую ей комнату. Маргарита выполнила её условие, создав крошечную темноту. Женькины глаза постепенно привыкли, и она начала

различать предметы. Темнота стала казаться не такой уж пугающей. Когда зашёл он, клиент, Женька сначала растерялась. «С чего начать? С чего же мне начать?» – лихорадочно думала она. Потом она глубоко вздохнула и понемногу успокоилась. «Я просто зарабатываю деньги. Я должна. Это работа. А он просто безликий Некто, клиент», – уговаривала она саму себя. Женька видела, как мужчина тоже растерялся. Он шагнул вперед и, споткнувшись о ковер, выругался.

– Иди ко мне, дорогой, – сказала ласковым голосом Женька. – Не бойся. Я здесь. Я жду тебя.

Очарованный её голосом, мужчина пошёл вперед. Женька взяла его за руку и помогла сесть на кровать...

С этих пор Маргариту в буквальном смысле слова одолевали клиенты. Но даже она ничего не могла поделать: Женька работала только тогда, когда хотела сама, два раза в неделю, не больше. Иногда, очень редко, когда нужно было защитить лицо фирмы, Женька соглашалась «работать» внеурочно. Маргарита, хоть и злилась, но потерять такой лакомый кусочек не желала: эта «зеленоглазая бестия», как отзывалась она о девушке, приносила фирме доход за троих. И приходилось выкручиваться перед клиентами, выдумывая всякую романтическую бредятину.

Париж...

Вероника сладко потянулась и зевнула.

– Дорогая, – прошептал спросонья Максим и положил руку ей на грудь.

– Что тебе на завтрак? – спросила Вероника.

– Как обычно, – ответил он.

Она позвонила в ресторан гостиницы и заказала завтрак в номер. Потом встала и подошла к окну.

Чудесный вид открывался из окна её номера: старый город блистал во всей своей красе. Она любила Париж. Этот романтический город нравился ей в любое время года. Даже летом она ехала не к морю, как все, а сюда. Она любила бродить по старым улочкам Парижа, думая о своём и наблюдая за жизнью парижан. Старый Париж – совершенно другой мир, не то, что новый с его небоскрёбами и суетой. Здесь же время как будто замедлялось, и Веронике казалось, что она то в веке шестнадцатом, то в середине двадцатого.

Когда она впервые попала в Париж, прежде всего понеслась по магазинам, накупила всякой всячины, которую потом раздаривала своим подружкам. Во второй раз магазины были ей не интересны, и Вероника заказала себе экскурсию по Парижу. Эйфелева башня, Нотр-Дам, музей импрессионизма, Гиме, конечно, Лувр, Версаль, Фонтенбло... Её всё радовало здесь, в Париже, всё вызывало восхищение и восторг... Гранд – Опера, Комеди Франсез... Она, набродившись за день, еле притягивала ноги в отель. Особенно поразил Веронику Версаль с его дворцом и парками.

– Боже мой! – восхищалась она. – Серёжа, ты только представь! Здесь ходил сам Людовик XIV!

– Ничего особенного, – отвечал Сергей, – наш Петербург во много раз красивее Парижа.

– Ты глупый и ничегошеньки не понимаешь, – злилась она.

Сергей редко бывал в Париже, лишь по делам, предпочитая отсиживаться дома. А она, наоборот, она была без ума от Парижа.

Вероника плохо знала французский и общалась в основном жестами, но эти милые французы всегда понимали красивую иностранку и с удовольствием выполняли её желания. Иностранные языки Веронике вообще плохо давались, и она, поняв, что ей никогда не стать переводчицей, пошла в медицинский.

Современный Париж не пленял её так, как пленял старый город. Вот и сегодня Веронике хотелось побыть одной и побродить по городу.

– Что ты сегодня будешь делать? – спросил Максим.

– Как обычно, пройду по Парижу, – ответила она, – попою кофе.

Она всегда пила кофе в одном и том же кафе. Кофе здесь был изумительный, ароматный, настоящий. Вероника любила посидеть в этом открытом кафе, откуда были видны башни Собора Парижской Богоматери.

– И охота тебе торчать в душном городе, – проворчал Максим, – лучше бы поехали к морю.

– Ещё успеем, – Вероника отошла от окна и направилась в ванную.

Максим, заместитель Сергея, и не только по работе, но и в постели его жены, был на десять лет моложе её. Вероника и раньше не отличалась порядочностью по отношению к мужу, а с годами её страсть к мужчинам только усилилась, она знала, что это своего рода болезнь. И виноват был в этом Сергей, её муж. Нет, конечно же, она любила Сергея по-прежнему, но тот был вечно занят или делал вид, что занят. К тому же ей так хотелось доказать и ему, и самой себе, что она может быть красива, любима и желанна. Казалось, в последнее время Сергей и вовсе перестал замечать её, ему гораздо интересней было с сыном.

Она безумно ревновала своего мужа. Она даже наняла частного детектива, чтобы тот проследил за ним, но когда же поняла, что у Сергея никого нет, обиделась. Да, она могла простить ему измену с женщиной, но то, что он просто игнорировал её, она простить не могла и завела себе любовника... в отместку.

Максим давно присматривался к Веронике. Ему нравилась эта женщина, как он считал, настоящая стерва. Его не тянуло к женщинам, которые из белья готовы были выпрыгнуть, лишь бы только угодить ему, наоборот, его привлекали женщины, подобные Веронике, которых нужно было покорять и приручать, как норовистых лошадей. К тому же Вероника была женой его босса – это как раз придавало ещё больше пикантности их отношениям. Он специально искал подходящий предлог, чтобы сблизиться с ней. Но ему не удавалось.

– Ты ещё не оседлал свою кобылку? – шутили друзья.

– Нет, пока нет, но у меня всё впереди, – отвечал он им, – думаю, что эта тёлка скоро попадется на крючок.

И тут как-то само собой получилось, что друзья предложили ему пари: если он к исходу месяца не станет любовником Вероники, то проиграет очень большую сумму денег. А Максим в то время был обычным клерком в банке Сергея, но с огромными честолобивыми запросами.

Однажды, конечно, совершенно «случайно» он увидел её в театре, одну, без мужа. Вероника любила театр, предпочитая ему кино. Максим же считал, что театр – это только бесцельное времяпрепровождения, но ради своей карьеры он был готов пойти на что угодно. А карьеру ему могла сделать только Вероника. Еле дождавшись антракта, Максим тут же подскочил к ней.

– Вероника Викторовна, добрый вечер, – поздоровался он и присел рядом с ней.

Вероника наморщила лоб, силясь вспомнить, где она могла видеть этого приятного молодого мужчину.

– Максим, Максим Петрович, – любезно подсказал он, – мы встречались с вами на вечеринке по случаю юбилея нашего банка.

– Ах, да, – вспомнила Вероника, – именно Максим. Вы тогда всех нас покорили своей игрой на гитаре.

– Спасибо, – ответил он и смешино покраснел, как девочка, скромно опустив глазки.

«Однако, какой ребёнок», – подумала Вероника. Но этот приятный молодой человек на самом деле давно перестал быть ребёнком, и не только потому, что был завсегдатаем салона

«Лотос», точнее «Орхидеи». Кстати, в «Орхидею» его затащил друг и одноклассник Вадька Задорожный еще в десятом классе, старший брат которого был там своим человеком. Об этом, конечно, Вероника не знала, не догадывалась, думая, что именно её неземная красота привлекла Максима. Ей льстило, что этот молодой человек смотрит на неё такими влюблёнными глазами. Не догадывалась она и о том, что у «милого ребёнка», как она его называла, были далеко идущие планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.